

ДРЕВО ВОДЫ

ДЕТГИЗ 1955

ДРЕВО ВОДЫ

*Рассказы
индийских писателей*

*

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955

Эта книга знакомит читателя с рассказами писателей Индии.

В сборник вошли произведения современных авторов и рассказы основоположника современной индийской реалистической литературы Према Чанда (1880—1936 гг.)

*

Составитель

В. М. Быкова

*

Рисунки С. Прусова

ИИ996

1987-88 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСКОЕ

699215-2 КХ РСР

Российская государственная
детская библиотека

Кришан Чандар

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Сказка

Высоко-высоко в горах спряталось маленькое ущелье с небольшим, но очень красивым озером посредине. С востока в него впадает маленькая речушка и, как бы перерезая его, бежит дальше на запад. Проникнуть в это ущелье трудно, почти невозможно. Со всех сторон оно окружено такими высокими горами, что снег не тает на них даже в самую жару. С севера, юга и востока оно со-

вершенно недоступно, и попасть туда можно только с запада. Да и этот проход в течение почти восьми месяцев закрыт — он исчезает под снегом. Остающиеся четыре месяца сопровождаются такими туманами и такой непролазной грязью, что нужно быть очень волевым человеком, чтобы преодолеть все эти препятствия. Помимо всего прочего, нужно обладать и всеми качествами; необходимыми для того, чтобы не испугаться глубоких и опасных обрывов и пропастей, встречающихся на каждом шагу. Редко-редко заглянет сюда какой-нибудь караван, да и тот после удачно совершенных сделок спешит покинуть эти места.

Это обычно бывает летом, когда снег растаял и уже не представляет никакой опасности. Восемь-девять месяцев подряд жители ущелья совершенно отрезаны от внешнего мира и почти ничего не знают о том, что творится за пределами их долины. Они вполне удовлетворены ею, да это и естественно — ведь, кроме нее, они никогда ничего не видели. К тому же это действительно очаровательный уголок. Представьте себе: со всех сторон его окружают высокие, покрытые снегом вершины, а на склонах гор растут роскошные гималайские кедры и сосны; лес благоухает; лозы дикого винограда дополняют эту картину; стайками кружатся и перелетают с места на место зеленые попугаи; резвятся на ковре цветов роскошные семицветные какаду. Гордость леса составляют большеглазые антилопы, огромные медведи и хитрые лисицы. Леса кончаются и переходят в мелкий кустарник, а потом начинаются просторные луга. Летом они переливаются настоящим золотом, и кажется, будто лучи солнца пронизывают всю землю насквозь. На этих лугах пасутся стада овец. Такой густой и шелковистой шерсти, как у них, пожалуй, нигде больше не сыщешь.

Из поколения в поколение крестьяне работают на земле, обрабатывая каждый клочок и ежегодно снимая свой урожай. Поля разделены живой изгородью золотых цветов, которые необыкновенно украшают все ущелье.

Еще ниже по обоим берегам реки тянутся фруктовые сады. Там и сям виднеются густые заросли кустарника. Длинные ветви деревьев, склонясь над рекой, отражаются в воде. И кажется, будто это юные красавицы, склонив

головы с распущенными волосами, стоят на берегу и перебирают в воде своими прелестными пальчиками.

Озеро утопает в цветах. То тут, то там промелькнет ручей и течет дальше к рисовым полям. Когда разливается лунный свет, раздаются звуки пастушьей свирели и вторит ей шелест рисовых колосьев, кажется, что земля пробуждается ото сна и вдыхает тонкий и нежный аромат любви.

Посередине озера, на маленьком прелестном островке, стоит двухэтажный дом правителя этого места — сардара¹. Вокруг острова — рыбацьи лодки. В озере масса рыбы — с рубинами вместо глаз, с разноцветными хвостами, которые светятся серебром.

Крестьяне сеют рис и кукурузу, собирают в лесу мед, фиалки и мускусный орех; продают шерсть и меховые шкурки. В свободное от работы время распевают песни, пляшут, веселятся на свадьбах и забавляются с детишками. Зимой коротают время у огня, а летом — в тени деревьев. Жизнь их полна радости, каждый занят своим делом и вполне удовлетворен им. Сардар обладает всеми земными благами, но все время чем-то не удовлетворен. А это происходит потому, что он ничем не занят. Целыми днями сардар на охоте, а вечером веселье, но ничто его не радует. У него больше всех земли, самый красивый дом, его жена — первая красавица, дети одеты лучше всех, сам он богаче всех, но все это его не радует. Он никогда не работал — ни он, ни его отец. И все-таки он недоволен своей жизнью. Несмотря на все удовольствия, он так и не смог догадаться, чего же еще ему недоставало.

Сардар очень любил свою долину. Он все время думал о том, как бы сделать ее еще прекрасней. И вот однажды ему пришла в голову мысль, что ночная тьма скрывает всю прелесть долины — в темноте не видны ее поля, река, фруктовые сады, ковер цветов — ничего, кроме тьмы. Как печально, жутко и одиноко выглядит эта долина ночью. Слышится только завывание диких зверей, снежных метелей и выюг. Ночью они чувствуют себя хозяевами положения и им нет никакого дела до сардара.

Сардар был образованным и умным человеком. После долгих раздумий он выписал из-за границы машину, даю-

¹ Объяснения индийских слов см. в конце книги.

щую электрический свет. С большим трудом удалось установить ее на острове. Не прошло и нескольких дней, как кругом зажглись огни. Вдоль реки протянулось шоссе, залитое электрическим светом. Каждый уголок дома сардара теперь был ярко освещен. Весело перемигивались многочисленные разноцветные лампочки внутри и снаружи дома. Издали они казались мерцающими в зелени светлячками.

Крестьяне радостно приветствовали это зрелище и гордились умом и изобретательностью своего сардара. Все население было очень довольно этим мероприятием, и никто не возражал, когда сардар начал собирать налог с каждого, кто пользуется электроэнергией дома или на улице.

Каждый месяц сардар собирал налог, и казна его росла из месяца в месяц. Уже давно оправдались все расходы, и теперь в казну шел только чистый доход. Каждый месяц сардар получал теперь столько, сколько не получал раньше и за десять лет. Сардару это понравилось, и он увеличил налог. Но жители не обратили на это внимания — что для них какой-то налог по сравнению с тем, что принесло им электричество!

Вскоре сардару пришла в голову еще одна идея. Он знал, с каким трудом добираются местные жители или приезжие до этого ущелья, как трудно преодолеть западный проход: то туманы, то гололедица. А сколько людей сорвалось в пропасть, сколько жертв поглощает река во время наводнения! Почему бы не построить хороший каменный мост? Тогда сразу все станет гораздо проще. Мост свяжет ущелье с внешним миром и укрепит эти связи. А сколько это принесет пользы торговле! Свой план сардар хорошенько обдумал и взвесил.

Новое предложение сардара нашло горячий отклик у населения. Каждый старался по мере сил, и через три месяца мост был готов. Для охраны и наблюдения за мостом сардар поставил стражу. Для оправдания расходов и содержания этой стражи он назначил налог, который должен был платить каждый проходящий по мосту человек. Налог был большой, но никто не протестовал — ведь мост был так необходим и столько опасностей можно было теперь избежать. Круглый год теперь можно было поддерживать связь с внешним миром и продавать меха,

шерсть, мед и мускус. Дорого ли, дешево ли, но продавать!

Никто не возражал, и к налогу за электричество прибавился налог за право пользования мостом. А сардар все собирал и собирал эти налоги. Теперь у него был уже не двухэтажный, а трехэтажный дом, а в подвале лежала целая груда золотых монет. Раньше у сардара не было никакой работы, зато теперь он ежедневно проводил несколько часов в подвале — пересчитывал деньги и с удовольствием прислушивался к их перезвону. Груда росла не по дням, а по часам. Как он радовался этому!

Вскоре энергия, вернее предприимчивость сардара подсказала ему еще одну идею. Бедные неграмотные крестьяне в одиночку продавали свой очень ценный товар. При этом часто торговля приносила им лишь убыток. Одну и ту же по ценности шкурку они продавали иногда за двадцать, а иногда только за десять рупий. Так они постепенно выпускали богатство долины из своих рук. Вот сардар и подумал: почему бы не создать центр для взаимного обмена товарами и почему бы ему не взяться за это дело? Крестьяне только выиграют, да и он сорвет кое-что — правда, совсем немного, но все же!

Многим его план не понравился. Что правда, то правда — крестьянам обычно давали меньшую цену, чем та, которую предлагал сардар, но ведь могли же дать и больше. Некоторые, правда, согласились, но большинство, несмотря ни на какие уговоры сардара, решительно отказалось.

Они были против нового предложения сардара потому, что им не хотелось, чтобы вся торговля была сосредоточена только в одних руках. Сардару ничего не оставалось делать, как поставить на мосту пушки и совсем приостановить движение. Появились пушки, охрана была усилена, и стало ясно, что всякая связь с миром прервана. Крестьяне были вынуждены продавать теперь все свои товары — меха, одежду, шерсть, мед, фрукты и овощи, мускусный орех и зерно — только сардару по установленной им цене. А сардар перепродавал все это по более высокой цене за пределами долины.

Теперь у него скопилось такое огромное количество золота, что ему пришлось выстроить новый подвал для хранения денег. Остров со всех сторон был окружен усилен-

ной охраной. Сардар старался теперь как можно реже встречаться с жителями. Налог собирал теперь уже не он сам, а специально назначенные для этого лица. Большую часть времени просиживал он в подвале — пересчитывал, перекладывал, снова пересчитывал и снова перекладывал монеты.

По мере того как росла казна сардара, росла и его алчность. Он вбил себе в голову, что теперь он самый богатый человек не только в этой долине, но и во всем мире. Все ночи напролет сардар думал только о том, как бы еще больше увеличить свое богатство. «Что бы еще придумать?» — снова и снова спрашивал он себя.

Все богатства долины принадлежали теперь сардару. Вся торговля долины, вся земля были теперь в его руках. Один за другим он назначал всё новые и новые налоги. Наконец не осталось ничего, за что бы жители не платили налоги.

Что бы еще придумать?

Семь дней и семь ночей подряд просидел сардар в подвале, слушая перезвон золотых монет и раздумывая над тем, как бы увеличить свое богатство. На восьмой день он поднялся наверх. Солнце ослепило его, он невольно зажмурился. И вдруг его осенила блестящая мысль: надо сделать, чтобы днем было тоже темно, и тогда жители будут вынуждены жечь электричество и днем. Как только эта мысль пришла ему в голову, он немедленно созвал преданных себе слуг и рассказал им, в чем дело.

Стоило им услышать его проект, как все они в один голос решительно отказались помочь ему. Но сардар вбил себе в голову увеличить, по крайней мере удвоить, свое богатство и поэтому никого не слушал. Больше того — он немедленно велел казнить тех, кто осмелился ему возражать. В конце концов с большим трудом за хорошее вознаграждение ему удалось уговорить одного из прислужников, по имени Хира. Ему было приказано сделать все необходимое, чтобы желание сардара осуществилось на следующий же день.

И действительно, утром солнце не появилось. Люди спали очень долго, но солнца все не было. В конце концов все встали и, протерев глаза, стали ждать восхода.казалось, что эта ночь никогда не кончится, а солнце никогда уже больше не появится. Люди распахнули настежь все

двери и окна и в ожидании восхода смотрели то на небо, то на восточную гряду гор, из-за которой обычно вставало солнце.

Но ни утренней зари, ни солнца! Долго-долго ждали люди. Кругом стояла крошечная тьма.

Через некоторое время на востоке появилась узенькая, едва заметная полоска тусклого света. Потом произошло что-то ужасное.

Люди увидели солнце, но оно было черным, настолько черным, что казалось вымазанным сажей. Никакого света оно уже не давало. Не было света, не стало и тепла. Днем стало так же темно, как и ночью. Неужели солнце никогда больше не появится, никогда не разольет живительный свет своих лучей! Люди совершенно потеряли голову и не знали, что делать. В ужасе метались они по острову, кричали, били себя в грудь, падали без сознания, снова вскакивали, кричали, звали на помощь; казалось, что наступил конец света.

Так прошло двое суток. И на следующий день взойшло это черное солнце. И на другой день люди ждали утра, но так и не дождались его. Через день — то же самое. Люди ждали, ждали, и всё напрасно. Только на четвертый день в отчаянии они решили отправиться за помощью к сардару.

Тот спокойно выслушал их и сказал, что несчастье произошло потому, что люди вышли из повиновения и перестали беспрекословно исполнять его приказания, а за это и получили справедливое возмездие. Нужно смириться и терпеть. Люди молили его помочь им, бедным и беззащитным, просили что-нибудь придумать.

— Есть только один выход — электрический свет, — сдерживая улыбку, сказал сардар. — Раньше свет зажигали только ночью и только дома, а теперь придется пользоваться им круглые сутки и не только в помещении, но в полях и лесах. Нужно выстроить еще одну электростанцию. Новшество это потребует огромных расходов, и налог придется увеличить.

За жизнь человек отдаст все. Условия сардара были приняты. Люди еще надеялись увидеть прежнее, яркое солнце. Солнце встанет, надеялись они, и тогда уж не придется больше платить налог.

Каждое утро вставали они с надеждой увидеть солнце и каждое утро в отчаянии видели только черный диск.

Каждый день это черное солнце совершало свой обычный путь с востока на запад. День превратился в ночь. Со всех сторон людей окружала непроглядная тьма. Они постепенно забыли, что такое свет, как играют лучи солнца, как просыпается природа и распускаются цветы, как плещутся волны и как счастливые глаза озаряются лучезарной улыбкой.

Так проходили дни, месяцы и годы.

В долине царила печаль. Теперь никто уже не смеялся, женщины больше не пели, а дети не резвились. Мужчины, понуро опустив голову, работали в поле. Урожай день ото дня становился все меньше и меньше. Вскоре цветы потеряли окраску, фрукты — свою сладость. Все почернело и приобрело вкус земли. Дети стали рождаться слепыми — да и на что им были теперь глаза? Люди перестали обращать внимание друг на друга, перестали любить; с их лиц исчезли улыбки радости. Никто уже не обзаводился семьей — да и кому теперь нужны были дети?

Люди потеряли человеческий облик. С каждым днем росло число преступлений. Разбой, воровство, убийства, кража стали обычным явлением. А в казне сардара груды золота росла и росла. Постепенно все золото стеклось в его подвал. Жадный и алчный сардар каждый день спускался туда, пересыпал монеты, любовался ими, прислушивался к их мелодичному перезвону, рассыпал их вокруг себя и снова собирал в большую грудку. Тогда он совершенно терял голову и вел себя как безумец: кричал, прыгал, скакал как сумасшедший и хохотал во все горло. Так проходили дни, месяцы, годы.

Старик Хира был при смерти — он умирал от проказы. Перед смертью он позвал своего семилетнего сына и сказал ему:

— Посмотри, не подслушивает ли нас кто.

Мальчик обошел вокруг дома и вернулся к отцу.

— Я умираю, — сказал старик, — но перед смертью хочу рассказать тебе все. Я совершил ужасное преступление. На мне лежит большой грех.

Мальчик молча слушал его.

— Это ужасное бедствие принес я, и только ты можешь теперь избавить народ.

Мальчик продолжал молча слушать его.

Старик поборол приступ кашля.

— Слушай, слушай меня очень внимательно и запомни каждое мое слово. Это черное солнце, которое встает над нашей долиной, раньше таким не было.

— Я всегда видел только черное солнце. Разве оно бывает еще какого-нибудь цвета? — удивился мальчик.

— Когда-то, давным-давно, оно не было черным. Однажды утром я...

— Утром? А что такое утро? — изумился мальчик.

На глаза старика выступили слезы. Как много горя и страданий принес он людям! Его сын никогда не видел утра, зари, восхода солнца. Он даже не знает, что это такое! Он никогда не любовался разноцветными бабочками, никогда не видел янтарных плодов. «Как я жесток!» — подумал старик и продолжал:

— Это солнце, которое ты видишь, таким черным сделал я, когда-то, давным-давно, на заре вымазав его сажей. Все это я сделал по приказу сардара. Эти ужасные следы проказы, которые ты видишь у меня на руках, говорят о том, какое тяжелое преступление я совершил. За пригоршню золота я уничтожил радость, веселье, счастье, любовь и мир. Когда я мазал солнце сажей, руки мои горели, их нестерпимо жгло солнце, а в глаза били яркие лучи, и вот я ослеп. Как я мечтал снова увидеть яркое, сверкающее солнце! Как я хотел стереть с него всю сажу, не оставить на нем и пылинки! Но я ослеп, а вот теперь умираю. И все это придется сделать тебе.

— Мне, одному мне? — удивился мальчик.

— Да, только тебе и больше никому. Посмотри, у меня под кроватью стоит скипидар. Я берег его как зеницу ока. Им можно очистить солнце. Завтра ранним утром заберись на вершину горы на востоке.

— Ранним утром — когда же это?

— Сейчас уж и я не знаю, — печально сказал Хира. Помолчав, он продолжал: — Лучше всего, если ты отправишься сейчас же. Тебе придется идти очень долго. Когда ты поднимешься на вершину, то заберись на выступ скалы и жди появления солнца. Как только оно покажется, хватай его крепче обеими руками и скорее три скипидаром. Оно снова засияет, и все будет хорошо. Не забудь взять с собой тряпку — хорошенько вытри солнце, чтобы на нем не осталось ни одного пятнышка. Понял?

Мальчик простился с умирающим отцом и отправился с банкой скипидара в руке. Не успел он войти в лес, как к нему подошел медведь и спросил, куда он идет.

— Иду мыть солнце!..

Услышав это, медведь пошел с ним. На пути им встретилась антилопа и, узнав, куда они идут, отправилась вместе с ними. Вдруг к мальчику на плечо уселся попугай. Его заинтересовало содержимое банки — не сладости ли несет мальчик. Узнав, в чем дело, попугай тоже присоединился к ним. Скоро им повстречалась мартышка.

— Дай мне полотенце, которое висит у тебя на плече, — попросила она.

Но, узнав, зачем мальчику это полотенце, она с радостью предложила ему помочь.

Быстро распределив обязанности, она дала попугаю в клюв баночку скипидара, мальчика посадила на медведя, а сама, схватив полотенце, помчалась впереди всех. Друзья очень быстро достигли вершины горы и стали ждать появления солнца.

Мальчик сделал все, как сказал ему отец. В ожидании солнца он взобрался на выступ острой скалы. Вокруг него в нетерпении стояли медведь, антилопа, мартышка и попугай. Мальчик попросил попугая полететь и взглянуть, не видно ли солнца. Тот быстро вернулся:

— Внимание! Внимание! Идет черное солнце, идет черное солнце!

Как только солнце показалось, мальчик тут же ухватился за него обеими руками. Но солнце выскользнуло и стало подниматься все выше и выше. Мальчик уже не мог достать его. Из всех сил цепляясь за солнце, он оставил на нем царапины от ногтей. В этих местах сажа отлетела, и яркие, тонкие лучи золотого солнца пронизали всю землю.

— А солнце-то, оказывается, не черное! — в восторге закричал мальчик.

Он все цеплялся и цеплялся за солнце, но оно ускользало и поднималось все выше и выше. Как быть, что делать? Придумали!

На медведя залезла антилопа, на антилопу — мартышка, а на мартышку — мальчик. Мартышка зацепила солнце хвостом, попугай подставил клюв с банкой скипидара, и мальчик начал протирать солнце. Постепенно он снял с него всю сажу, и солнце наконец засияло.

Нужно было как следует протереть его, а это было очень трудно — ведь сажа лежала на нем годами, а работали маленькие ручонки. Мальчик срочно отправил попугая в долину за помощью.

Тот поднял людей на ноги:

— Жители долины! Слушайте все, слушайте все! Маленький мальчик очищает солнце. Спешите помочь ему. Скорее, скорее, спешите сюда!

Попугай надел на шею колокольчик, и тот, весело позванивая, торопил людей.

А люди уже видели, как постепенно разливается свет, яркий солнечный свет. Солнце еще не встало, но было уже совсем светло.

Люди радостно приветствовали восход. Ребятишки помчались к восточным склонам гор. За ними следом бежали мужчины и женщины, старики и старухи. Они несли ведра с водой и мыло.

Позади всех плелся бессильный, беспомощный и побежденный сардар. Он в исступлении кричал:

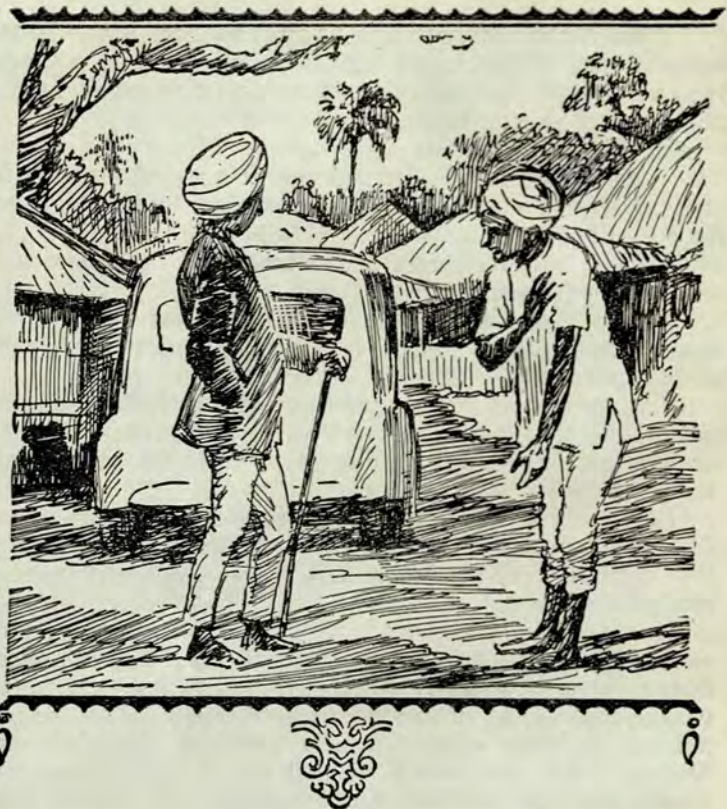
— Не смейте, не смейте идти туда! Вернитесь, вернитесь сейчас же!

Но никто его не слушал, никто уже не боялся его угроз.

Все летели как будто на крыльях. Вот и скала. Возбравшись на нее, люди начали тереть, мыть и скрести солнце. Они терли его до тех пор, пока не осталось ни малейшей пылинки сажи и оно не засияло ослепительным блеском. Дети прыгали и скакали от восторга. Женщины запели радостные песни. Когда солнце было начищено до блеска, обезьяна отцепила свой хвост, и мальчик пустил солнце в небо, как воздушный шар. Солнце встало над землей. Но теперь оно было не черным, а золотым, ослепительно блестящим и ярким. Оно стало даже еще ярче и прекраснее, чем было.

На землю полился свет.

Прем Чанд

ИГРА В ЧИЖИК

1

Не важно, согласятся или не согласятся со мной друзья, получившие английское воспитание, но я считаю, что игра в чижик лучше всех других игр. Даже теперь, когда я вижу детей, играющих в чижик, у меня появляется сильное желание присоединиться к ним.

Для этой игры не нужно ни ровной лужайки, ни корта, ни деревянного молотка, ни сетки. Срезали ветку с любо-

го дерева, сделали чижик, и игра началась, даже если вас всего двое. Самый большой недостаток английских игр это то, что принадлежности к ним слишком дороги. Не истратив по крайней мере сотни рупий, вы не сможете назвать себя игроком. То ли дело игра в чижик — превосходное развлечение, не требующее ни пайсы. Но мы настолько помешались на всем английском, что с пренебрежением относимся ко всему своему. В наших школах ежегодно только на игры с каждого ученика взимается по несколько рупий. И никому не придет в голову, что лучше играть в индийские игры, не требующие никаких затрат. Английские игры предназначены для тех, у кого много денег. Зачем забивать головы детям бедняков этими развлечениями? Правда, есть опасность выбить чижиком глаз. А разве, играя в крикет, нельзя разбить голову, отбить внутренности, поломать ноги? Я до сих пор ношу на лбу метку от чижика, но среди моих друзей есть и такие, которые поменяли крикетную битку на костыли. В конечном счете, это дело вкуса. Мне же из всех игр больше всего нравится чижик.

Когда я думаю о детстве, то самое сладостное воспоминание связано с этой игрой. Рано утром убежишь бывало из дому, заберешься на дерево, найдешь подходящую ветку, срежешь и вырежешь из нее чижик и биты. Восторг и страсть толпы игроков, подача и прием, споры и ссоры и та простая обстановка, в которой полностью отсутствует различие между «прикасаемыми» и «неприкасаемыми»¹, между богатыми и бедными, в которой нет места аристократическим замашкам, высокомерию, чванству, — все это забудется лишь тогда, когда... когда...

Дома сердятся. Отец, усевшись на чауке, поглощает лепешки, словно срывая на них свой гнев. Мать гонится за мною до самых ворот. По их мнению, мое мрачное будущее, словно разбитая лодка, мечется по волнам. А я увлечен игрой и забываю умыться и поест. Чижик — всего-навсего маленькая палочка, но в ней сосредоточена прелесть всего мира и восторг всех зрелищ.

Среди моих товарищей был мальчик Гая. Это был худой, высокий паренек года на два старше меня, с очень длинными и тонкими, как у обезьяны, пальцами, обладав-

¹ «Неприкасаемые» — представители низших каст в Индии.

ший обезьяньей ловкостью и живостью. Как бы высоко и далеко ни летел чирик, Гая бросался на него, как ящерица на букашку. Не знаю, были ли у него родители, где он жил и чем питался, но славился он как чемпион нашего клуба игроков в чирик. Победа той партии, в которую входил Гая, была предрешена заранее. Увидев его еще издали, мы все бросались ему навстречу, приветствовали и старались привлечь на свою сторону.

Однажды мы с Гая играли вдвоем. Он подавал, а я водил. Удивительное дело: подавать мы могли без усталости целый день, водить же надоедало уже через минуту. Для того чтобы избавиться от этой неприятной обязанности, я пускался на хитрости, простительные в этом случае, хотя они и противоречили правилам игры. Но все было тщетно, я никак не мог отводить, а без этого Гая не отпускал меня.

Что же делать, если просьбы не действуют на него? Я побежал домой. Гая бросился за мной, поймал меня и сказал, замахнувшись палкой:

— Не уйдешь, пока не отводишь! Подавать-то ты любитель, а как отыгрываться — удирать!

— А если ты будешь подавать весь день, так мне весь день и водить?!

— Да, так весь день и не уйдешь.

— Что же мне, теперь не есть и не пить?

— Да! Пока не отводишь, никуда не пойдешь.

— Что я тебе, слуга, что ли?

— Да, слуга.

— Вот возьму и пойду домой! Что ты мне за это делаешь?

— Как же ты уйдешь домой? Ты что, смеешься надо мной? Я отводил, а теперь води ты.

— Раз так, отдай гуаву, которую я тебе вчера дал.

— Она давно у меня в животе.

— Вынимай из живота. Зачем съел мою гуаву?

— Гуаву ты мне сам дал, я ее и съел. Я у тебя ее не просил.

— Не буду отыгрываться, пока не вернешь мою гуаву.

Я считал, что справедливость на моей стороне. В конце концов, я дал ему гуаву не просто так, а с какой-то целью. Кто же оказывает любезность бескорыстно? Даже милостыню дают с каким-то расчетом. Какое Гая имеет право требовать, чтобы я отыгрался, если он съел мою

гуаву? Давая взятку, люди что-то получают взамен. Не думает ли Гая, что он даром присвоил мою гуаву? Гуава стоила пять пайс. Такие деньги вряд ли есть даже у отца Гая. Гая поступал совершенно несправедливо.

А Гая упорствовал и продолжал тащить меня:

— Отводи, тогда уйдешь. Не признаю никаких гуав.

На моей стороне было сознание своей правоты: он настаивал на несправедливом деле. Я вырвался и хотел бежать. Он снова поймал меня. Я выругался. Он ответил еще более крепкой бранью и, не ограничившись этим, стукнул меня несколько раз. Я выбил ему зуб. Он ударил меня палкой по спине. Я заревел. Против такого оружия Гая устоять не мог и убежал. Я тут же вытер слезы, забыл про ушибы и, улыбаясь, побежал домой. Я был сыном начальника полицейского участка, поэтому даже в то время мне показалось оскорбительным быть избитым парнем из низшей касты. Но дома я никому не пожаловался.

Вскоре моего отца перевели на новое место. Я так обрадовался возможности увидеть новый мир, что даже разлука с друзьями не огорчала меня. Отец был опечален — старое место приносило ему большой доход. Мать тоже расстроилась — здесь все было дешево, и к тому же она сдружилась с женщинами нашего квартала. А я не помнил себя от радости. Расписывал мальчишкам, что там, куда мы едем, таких низких домов, как в этом местечке, почти нет. Там здания так высоки, что достают до неба. Там в английской школе учителя, который побьет ученика, сажают в тюрьму. Широко раскрытые глаза и удивленные лица моих друзей говорили о том, как высоко я поднялся в их глазах. Разве мы, превращающие правду в вымысел, можем понять способность детей превращать вымысел в правду? Как завидовали мне мои неудачливые друзья! Они словно говорили мне: «Тебе, братец, повезло, ты уезжаешь, а мы должны жить и умереть в этой заброшенной деревне».

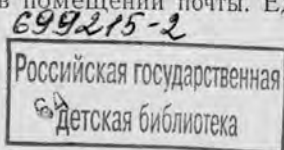
2

Прошло двадцать лет. Я стал инженером. Однажды, совершая инспекционную поездку по району, я попал в ту самую деревню и остановился в помещении почты. Едва

2 Древо воды

17

я увидел прежние места, как в моем сердце пробудились сладостные воспоминания детства. Я взял трость и отправился погулять. Мне хотелось осмотреть места моих детских игр.

Под впечатлением нахлынувших на меня воспоминаний детства, я жаждал повидаться со старыми друзьями.

Но оказалось, что в деревне все, кроме названия, стало незнакомым. Там, где раньше были развалины, теперь стояли каменные дома, где раньше росло старое фиговое дерево, теперь разросся красивый сад. Деревня очень изменилась. Вряд ли я узнал бы ее, если б не знал названия и местонахождения. Так и хотелось припасть к земле, зарыдать и сказать ей: «Ты забыла меня. Я и сейчас хочу видеть тебя в твоём прежнем облике».

Вдруг на открытой площадке я заметил нескольких мальчиков, играющих в чижик. На мгновение я совершенно забыл обо всем. Забыл, что занимаю высокий пост, одет по-господски, окружен почетом и наделен властью.

Я подошел к играющим и спросил у одного из мальчишек:

— Послушай, мальчик, не живет ли здесь человек, по имени Гая?

Мальчик испуганно ответил:

— Какой Гая? Гая — чамар?

— Да, да, он самый, — подтвердил я без особой уверенности. Раз кого-то зовут Гая, то, наверно, это и есть мой знакомый!

— Да, живет.

— Ты можешь его позвать?

Мальчик убежал и вскоре вернулся с темнокожим великаном. Мужчина был в пять локтей ростом. Я узнал его еще издали, хотел пойти навстречу и обнять, но, подумав, остался на месте. Когда он подошел, я спросил:

— Скажи, Гая, ты узнаешь меня?

Гая поклонился:

— Конечно, саркар, узнаю. Почему не узнать? Как вы поживаете?

— Очень хорошо. Расскажи о себе. Что ты делаешь теперь?

— Работаю конюхом у господина депутата.

— Где все наши друзья: Матаи, Мохан, Дурга? Ты знаешь о них что-нибудь?

— Матаи умер. Дурга и Мохан стали почтальонами. А как вы?

— Я районный инженер.

— Вы, саркар, и раньше проявляли большие способности.

— А теперь тебе случается играть в чижик?

Гая посмотрел на меня вопросительно:

— Разве теперь до чижика, саркар? Вздохнуть некогда; только и думаешь, как заработать на хлеб.

— Давай сыграем сегодня вдвоем, ты да я. Ты подавай, а я буду принимать. Я тебе должен одну игру. Хочу сегодня отыграться.

Только после долгих уговоров Гая согласился. Он — бедный рабочий. Я — высокопоставленный чиновник. Что общего между нами? Бедняга смущался, да и я чувствовал неловкость. Не потому, что я собирался играть с Гая, — меня смущало то, что окружающим эта игра покажется необычной, они превратят ее в спектакль и вокруг нас соберется большая толпа любопытных. Что за удовольствие играть при такой толпе? Но я не мог отказаться от игры. В конце концов решили, что мы уедем подальше и поиграем где-нибудь наедине. С удовольствием поиграем и насладимся забавой детства. Мы с Гая сели в автомобиль и выехали в поле. С собой захватили топорик. Я все это делал очень серьезно, но Гая воспринимал мою затею как шутку. Его лицо не выражало ни интереса, ни удовольствия. Возможно, ему мешала разница в нашем положении.

Я спросил его:

— Скажи откровенно, Гая, ты когда-нибудь вспоминал обо мне?

— Как я мог вспоминать о вас, хузур? Разве я достоин этого? Когда-то мне довелось играть с вами, но какое это имеет значение? — смущенно сказал Гая.

Меня такой ответ опечалил.

— Однако, Гая, я часто вспоминал тебя. Особенно твою палку, которой ты здорово угостил меня. Ты помнишь этот случай?

Гая с сожалением ответил:

— То было детство, саркар, не напоминайте об этом.

— Вот как! А для меня это одно из самых приятных воспоминаний тех дней. То чувство, которое я испытал,

отведав твоей палки, теперь не может быть вызвано ни почетом, ни богатством.

Мы отъехали от деревни мили на три. Нас окружала тишина. На западе на много миль простиралась равнина, где когда-то мы рвали нежные цветы, сплетали из них серьги, вешали себе на уши. Вечернее небо было окрашено шафрановым закатом. Я забрался на дерево и срубил сук. Моментально были вырезаны биты и чижик.

Игра началась. Я положил чижик в ямку и ударом палки подбросил его вверх. Чижик пролетел мимо Гая. Он растопырил руки, будто ловил рыбу. Чижик упал где-то позади него. И это был тот самый Гая, в руки которого чижик раньше словно сам летел! Где бы он ни стоял — справа, слева, — чижик обязательно попадал прямо в его ладони. Будто у Гая была власть над чижиками. Он ловил их все без исключения: новые и старые, маленькие и большие, заостренные и тупые. Словно в его руках был какой-то магнит, который притягивал чжики. Но сегодня чижик все время летел мимо. К тому же подавать начал я и пускался на всевозможные уловки. Недостаток уменья я восполнял нечестностью: продолжал бить даже после промаха, хотя, по правилам игры, следовало передать подачу Гая. Если после слабого удара чижик падал недалеко, я хватал его и ударял второй раз. Гая прекрасно видел все мои хитрости, но ничего не говорил, как будто забыл правила игры. Раньше он очень метко кидал чижик, и тот, звеня, ударялся о палку. Точно у чижика, пущенного рукой Гая, была одна задача — стукнуться о палку. Но сегодня чижик не попадал в цель. Он падал то справа, то слева, то впереди, то сзади палки.

Один раз после получасовой игры чижик ударился о палку. Я сжульничал, сказал, что чижик не попал в палку, — он прошел совсем рядом с палкой, но все же не задел ее.

Гая не выразил никакого недовольствия.

— Возможно, не попал, — спокойно сказал он.

— Стал бы я обманывать тебя, если бы он попал? — доказывал я.

— Конечно, вы не станете обманывать, — согласился Гая.

Случись мне так сжульничать в детстве, да разве я остался бы в живых! Этот же самый Гая схватил бы меня

за горло. Но сегодня с какой легкостью я обманывал его! Вот осел! Все перезабыл.

Вдруг чирик вновь ударился о палку, и с такой силой, точно выстрелили из ружья. При таком доказательстве в первый момент у меня не хватило духа сжульничать. «Но почему бы еще раз не попытаться солгать? — подумал я. — Что я теряю? Поверит — хорошо, нет — придется передать подачу. Сославшись на темноту, я легко избегу необходимости водить».

Гая, радуясь удачному попаданию, закричал:

— Попал, попал! Слышали, как стукнулся?

Я притворился непонимающим:

— Ты видел, что попал? А я не заметил.

— Даже слышно было, саркар.

— А, может, чирик стукнулся о какой-нибудь камень?

Сам удивляюсь, как с моих губ сорвалась эта фраза. Это было все равно, что назвать день ночью. Мы оба слышали, как звонко ударился чирик о палку, но Гая тотчас согласился со мной:

— Да, наверно, попал в какой-нибудь камень. Если бы ударился о палку, был бы другой звук.

Я снова начал подавать. Но после такого явного обмана почувствовал сострадание к наивности Гая. Поэтому, когда чирик в третий раз коснулся палки, я великодушно решил передать подачу.

— Уже темно, отложим игру на завтра, — сказал Гая.

Я подумал: «Завтра будет много времени, кто знает, как долго придется водить. Лучше закончить это дело сейчас».

— Нет, нет. Еще совсем светло. Начинай подавать.

— Чирика не будет видно.

— Ничего, увидим.

Гая начал подавать, но теперь он совершенно разучился бить по чижику. Он дважды ударил и дважды промазал.

Меньше чем за минуту он проиграл подачу. Бедняга целый час бегал за чижиком, а сам не играл и минуты.

Я проявил великодушие:

— Бей еще. Первый раз прощается.

— Нет, брат, темно стало.

— Ты разучился играть. Неужели никогда не играешь?

— Где же выкроить время для игры?

Мы уселись в машину и уже с зажженными фарами вернулись в деревню. По дороге Гая сказал мне:

— Завтра у нас будет игра в чижики. Все прежние игроки соберутся. Вы придете? Я созову игроков, когда вам будет угодно.

Я ответил, что вечером буду свободен, и на следующий день отправился смотреть состязание. На площадке собралось несколько десятков человек. Некоторые оказались товарищами моего детства. Но большая часть собравшихся были юноши, которых я не знал. Игра началась. Сидя в автомобиле, я наблюдал за матчем. Сегодня игра Гая, его мастерство поразили меня. Когда он бил, чижики летели высоко в небо. В его движениях не было и следа вчерашней скованности, нерешительности, вялости. То искусство игры, зачатки которого были у Гая в детстве, теперь достигло зрелости. Если бы он вчера так подавал мне чижики, я бы, наверно, заплакал от огорчения. От удара его палки чижики летели на двести ярдов.

Один молодой человек из новичков сплутовал. По его словам, он поймал чижики на лету. Гая утверждал, что чижики ударились о землю и, подпрыгнув, отскочили. Дело доходило до драки, но юноша отступил. Он испугался, увидев разъяренное лицо Гая. Я не участвовал в игре, но от игры других испытывал то же наслаждение, как когда-то в детстве, когда мы играли, забыв обо всем на свете. Теперь мне стало ясно, что вчера Гая не играл, а лишь делал вид, что играет. Он просто не принимал меня всерьез. Я плутовал, играл нечестно, но он совершенно не сердился: ведь он не играл, а развлекал меня, потакал моим капризам. Подавая, он щадил меня. Теперь я был для него важным чиновником, и это создало между нами стену. Теперь я мог пользоваться его вниманием, уважением, но не мог рассчитывать на дружбу. В детстве я был ему равня, между нами не было никакого различия. Теперь, когда я достиг высокого положения, я мог рассчитывать только на его снисхождение, он не считал меня равным себе. Он стал взрослым, а я остался ребенком.

Суджан Сингх

МОРОЖЕНОЕ

Месяц тянулся, тянулся и никак не мог кончиться.

Я лежал и думал о том, как быстро прошла первая его половина, первые две недели, и как быстро испарилось за это время все мое жалование. Я думал об этом так долго, что маты, на которых я лежал, искололи мне всю спину. Перевернувшись, я ощупал себя рукой — кожа была

усеяна впившимися в нее стебельками травы, из которой плетут маты.

— Сливочное моро-о-оженое! — донесся в это время голос мороженщика.

Как давно чудился мне этот голос, как давно я его ждал!.. Внезапно белое, как кипень, мороженое чудесным видением закружилось перед моими глазами. Рот мой мгновенно наполнился слюной.

Но я не мог и мечтать о том, чтобы хоть чуточку утолить вспыхнувшую во мне неистовую жажду. Петля нужды гораздо крепче, чем оковы темницы.

В стремлении хоть чем-нибудь прогнать, подавить искушение я решил заняться анализом слова «мороженое» — к у л ф и. Слово к у ф л означает «замок». Очевидно, ювелиры превратили его из к у ф л в к у л ф — украшение. Эти украшения весьма похожи на формочки, в которых готовят у нас мороженое, поэтому, совершенно ясно, мороженое стало называться к у л ф и...

Так постепенно, потихоньку, бог весть когда сон избавил меня от мыслей о мороженом.

Но выспаться мне не удалось, меня растолкал мой малыш.

— Па!.. Папа! — пищал он. — Сколько влемени я зову тебя, а ты все спишь!..

Я было подсадовал, но на этот детский голосок нельзя было долго сердиться.

— Ну, ну, — пробормотал я, — чего ты от меня хочешь? Говори.

— Дай таку, па!.. Дай таку!

Увы, у меня не было таки. Карманы мои совершенно опустели. Было двадцать шестое июня, и мы перебивались кое-как, все больше залезая в долг лавочникам.

— Дай таку, па, дай таку, — настойчиво твердил сынишка.

Между тем с улицы слышались громкие выкрики продавца сластей, расхваливавшего свой товар. Что было делать? Чтобы выиграть время, я спросил:

— А на что тебе така, сынок?

— Как — на что? Истлачу ее.

Помню, после первой мировой войны, когда мы были детьми, нам изредка перепадала дхела. Была большая дороговизна, но все-таки на эту дхелу мы могли кое-что

купить. Теперь потребности моего сына в деньгах выросли по сравнению с нашими в четыре раза. Я невольно подумал о тяжелом экономическом положении в мире и о толстосумах, которые создают и поддерживают такое положение.

Снаружи вновь послышался возглас продавца:

— Горошек! Сладкий горошек!

И тотчас же сынишка сказал:

— Ну, па, дай же монетку, а па?

— Монетка плохая, — смущенно пробормотал я. — Не думай о ней, сынок.

— Ге! Лазве така может быть плохой? На таку можно купить голошка.

— Горошек плохой... — начал было я.

Но сын быстро перебил меня.

— Голошек вкусный! — сказал он убежденно.

Я не мог с этим спорить. К тому же я тоже любитель сладкого. Все же я продолжал хитрить:

— От горошка бывает кашель, сынок.

Но хитрость моя была тут же разгадана.

— Па-а, дай таку! У меня не бывает кашля от голошка.

Сынишка обнаруживал стойкое несогласие со мной в этом вопросе. Но у меня не было таки. Приходилось переубеждать его. Не знаю, что меня дернуло, может быть желание отвлечь его, посулив большее, но я сказал:

— Горошек грязный... Лучше сегодня вечером я куплю мороженого.

Маневр подействовал, сын согласился ждать вечернего мороженого. Возможно, помогло и то обстоятельство, что продавец горошка ушел. Так или иначе, на этот раз беду пронесло. Однако никто не мог поручиться за то, что через минуту не появится какой-нибудь новый лоточник со своими возгласами, полными неотразимого соблазна. Недолго думая я оделся, вышел на палящий зной и стал слоняться по улицам. Так я растрачивал излишнее для меня, драгоценное для других время, лишь бы не слышать новых просьб о таке.

Почему бы мне не сказать хозяину, что я не могу жить на те деньги, которые он мне платит?.. Но кому какое до этого дело, кто меня послушает? Голоса одиночки, каким бы громким он ни был, никто не услышит. Обездоленные

должны объединиться, чтобы потребовать своего. Но если они объединятся, их все равно вытеснят трусы, которые согласны молча, в одиночку владеть свое ярмо. Тех, кто чего-нибудь требует, увольняют с работы... Я невольно задрожал. Только я об этом подумал, как страшная угроза безработицы, внезапно возникшая передо мной, привела меня в трепет. Я тоже трус. Я всегда молчал, я понял, что смолчу и на этот раз.

Я гулял до тех пор, пока сын, по моим расчетам, не лег спать. Затем вернулся и на цыпочках подошел к нашей двери. Вопреки обыкновению, я не окликнул домашних, а молча постучал. Тотчас раздался голосок:

— Это плишел папа!

В следующее мгновение сын уже открывал мне дверь:

— Па!.. Ну, ты плинес моложеное?

Голос его был полон робкой надежды.

— Ступай, сынок, ступай, — сказал я, погладив его по голове.

Сразу погрузившись, он вошел вместе со мной. Я сел на постель, взял сына к себе на колени и ласково сказал:

— Уже поздно, милый, завтра будем есть мороженое.

Вопреки моему ожиданию, сын молчал. Заглядевшись на видневшееся в окно ночное небо, он о чем-то думал. Потом спросил:

— Папа, звезды падают? Мне говорили, что падают... Папа, почему звезды не падают к нам в дом?

— Звезды — это не рупии, — ответил я.

Этим я словно разрушил мир его грез. Он лег на постель и, глядя на небо, наконец уснул.

На следующий день я хотел было признаться денег у своих товарищей по работе, но не мог собраться с духом. Очень трудно принудить себя просить. Это все равно, что примириться с мыслью о смерти.

Однако в конце концов я все-таки решился и занял у одного из товарищей три рупии. Когда я пришел домой, сын спал — он отдыхал после обеда. Подав мне еду, жена взяла деньги. Немного дров, овощи к ужину, соль, масло и еще кое-что — три рупии растаяли мгновенно. Я сказал жене, что нужно обязательно купить нашему малышу мороженого, но она отрезала:

— Обойдется. Я дам ему таку на горошек.

Едва сын проснулся, первым его словом было, конечно,

мороженое. Услышав от матери отказ, он поднял крик. Теперь он никак не соглашался на такую и сладкий горошек. Я смог его успокоить только новым обещанием принести мороженое к вечеру.

С этой минуты сын не спускал с меня глаз, и мне стоило большого труда уйти из дому незаметно.

Я бродил по улицам до поздней ночи. К моему большому облегчению, вернувшись, я застал сына спящим. За ужином жена сказала, что он меня очень долго ждал. Со стесненным сердцем я растянулся рядом с сыном на матах, долго ворочался с боку на бок и наконец заснул.

Сын спал беспокойно. Несколько раз он бил меня ножонкой в живот. Было уже за полночь, когда он раскинул руки и ударил меня по лицу. Я проснулся. Сын бормотал что-то неразборчивое и вдруг произнес совершенно явно:

— Моложеное, папа, моложеное!

Я лежал обезоруженный и обессиленный таким упорством.

— Сардар джи, ты не спишь? — окликнула меня жена. — Ты слышишь, он и во сне просит мороженого.

Я молчал. Сынишка тоже затих.

Утром, проснувшись, он ни о чем не вспомнил. Когда я вернулся с работы, он тоже ни о чем не просил меня.

После обеда я прилег. Я начал было дремать, когда на улице раздался возглас разносчика:

— А вот холодное мороженое!.. Вкусное мороженое!..

Сон сразу слетел с меня. Сынишка играл подле моей постели резиновой уткой. При первом же выкрике мороженщика он наострил уши, затем бросил утку и вышел. Я наблюдал за ним в окно — он подошел к калитке и остановился выжидая.

«Сейчас он придет меня будить», — подумал я.

Но вместо этого сын вышел за калитку. Тогда я медленно занял его наблюдательный пост у калитки.

Достав посуду и раскрыв свой лакомый товар, мороженщик накладывал порцию мороженого стоявшему подле мальчугану лет восьми, сыну соседнего лавочника.

Этот мальчишка был грозой улицы и всегда колотил ребятшек поменьше. Он был старше моего сына года на три. Сын стоял неподалеку в позе бойца, заложив руки за спину. Не отрывая глаз он смотрел на мороженое. Но

он не просил его у мороженщика. Внезапно, когда тот передал блюдечко с мороженым сыну лавочника, мой сын с кулаками кинулся на него.

Куда полетело блюдечко, куда мороженое, ложка! Незадачливый покупатель мигом очутился в канаве. Мой сынишка остался на поле боя как победитель. Поверженный им мальчуган поднимался невероятно разъяренный. Внезапное нападение и потеря мороженого, казалось, придали ему двойные силы. Но едва он поднялся, мой сын нанес ему такой удар, что тот вновь полетел в канаву и на этот раз заорал.

Тогда мороженщик вступился за своего покупателя — он схватил моего сына за шиворот с намерением дать ему взбучку. Но тут выскочил я и вырвал сына у него из рук. Мороженщик бросился поднимать мальчугана из канавы, а в это время на шум и крик уже выбежала жена лавочника. Появилась и моя жена. Началась общая перебранка, конца которой я не стал дожидаться и унес сына домой.

Он весь пылал от возбуждения. Я никак не мог его успокоить. Вернулась жена и сказала:

— А теперь его надо хорошенько выдрать, чтобы он знал, как себя вести!

Но я ответил:

— Довольно! Оставь его в покое...

В доме труса-отца родился сын-храбрец. Я понял это всем своим существом.

Прем Чанд

РАССКАЗ О ДВУХ ВОЛАХ

1

Среди животных осел считается самым глупым. Когда мы хотим сказать о ком-либо, что он круглый дурак, то называем его ослом. Трудно сказать, действительно ли осел так глуп или его считают таким за простоту и беспримерное терпение. Корова иногда бодается, а защищая теленка, становится опаснее львицы. Собака, хотя и кроткое живот-

ное, порой приходит в ярость. Но никто никогда не слышал, чтобы вышел из себя осел. Бейте беднягу сколько угодно, кормите его испорченным, гнилым сеном, никогда не появится на его морде и тени недовольства. Даже весной, когда осел резвится и прыгает, все равно он не выглядит веселым. На его морде постоянное, застывшее выражение печали. Это выражение не изменяется ни при каких обстоятельствах: в счастье и в горе, при удаче и при потере. Все добродетели мудрецов достигли в нем своего предела. И, несмотря на это, люди называют его глупым.

Нигде не видано такого пренебрежительного отношения к хорошим качествам. Видимо, простота не годится для этого мира. Посмотрите на индийцев в Африке — почему у них такое бедственное положение? Почему индийцам не разрешается въезд в Америку? Бедняги не пьют вина, откладывают деньги на черный день, работают, не жалея сил, ни с кем не ссорятся, молча сносят оскорбления, и все же их презирают. Говорят, что они понижают идеал жизни. Возможно, если бы они научились отвечать ударом на удар и умели в драке швырять кирпичи, их стали бы считать цивилизованными.

У осла есть младший брат, который немногим умнее его, — это вол. Некоторые считают, что вол глупее, чем осел, но мы придерживаемся другого мнения. Бывает, что волы дерутся рогами, встречаются даже и очень строптивые волы. И все волы различными способами выражают свое недовольство. Поэтому вол менее добродетелен, чем осел.

2

У огородника Джхури было два вола — Хира и Моти. Оба малабарской породы, красивые, крупные и усердные в работе. От долгой совместной жизни они крепко сдружились. Часто, лежа друг против друга или рядом, они разговаривали на своем безмолвном языке. Мы не можем сказать, каким образом они понимали друг друга, но несомненно они обладали способностью безмолвной речи, которой лишен человек, претендующий на первенство среди всего живого. Оба выражали свою нежность тем, что лизали и обнюхивали друг друга. Временами они даже бодались, но не враждуя, а развлекаясь, подобно тому как

иногда закадычные друзья награждают друг друга тумакми. Без этого дружба слаба и непрочна и полностью на нее нельзя положиться. Когда волы, запряженные в плуг или в повозку, шли, мерно помахивая головами, каждый из них старался, чтобы большая тяжесть приходилась на его шею. После работы, в полдень или вечером, когда волов распрягали, они, облизывая друг друга, облегчали свою усталость. Когда в кормушке появлялся корм, оба одновременно вставали и опускали в кормушку головы. Когда один отворачивался от кормушки, то же самое делал и другой.

Однажды случилось так, что Джхури отправил обоих волов работать в поле шурина. Волам было неизвестно, почему их куда-то уводят. Они решили, что хозяин продал их. Кто знает, понравилось им это или нет, но Гая — шурина Джхури — пришлось порядком помучиться, пока он привел волов к себе домой. Когда он погонял волов сзади, они разбегались в разные стороны; он тянул их за повод — волы упрямылись и пятились назад. Когда он принимался их бить, волы опускали рога и угрожающе ревели. Если бы бог дал им дар речи, они спросили бы у Джхури: «Зачем ты прогоняешь нас, бедных, из своего дома? Мы служили тебе, не жалея сил. Если тебе было этого мало, ты мог заставить нас работать больше. Мы согласны умереть, служа тебе. Никогда мы не жаловались на корм. Чем бы ты ни кормил нас, мы всё смиренно съедали. Зачем же ты продал нас этому злому человеку?»

Вечером Хира и Моти пришли на новое место. Целый день они ничего не ели, но когда в кормушку был положен корм, ни один из них не притронулся к пище. На сердце у волов было тяжело. Они были разлучены с домом, который считали своим. Новый дом, новая деревня, новые люди — все для них было чужим.

Друзья посоветовались на своем безмолвном языке, подмигнули друг другу и улеглись спать. Когда в деревне заснули, волы поднатужились, порвали веревки, которыми были привязаны, и направились домой. Привязи были очень крепкие. Никто не предполагал, что вол может порвать их. Но у Хира и Моти этой ночью сила удвоилась — они разорвали веревки несколькими рывками.

Рано утром Джхури увидел, что оба вола стоят у кор-

мушки. На их шеях висели обрывки веревок, ноги их были по колено в грязи, а глаза сверкали мятежной любовью. Джхури очень обрадовался. Он подбежал к ним и начал обнимать. Эта сцена нежных объятий и поцелуев была очень трогательна. Прибежали дети Джхури и другие деревенские ребята и весело хлопали в ладоши, приветствуя волов. Хотя такое событие не было первым в истории деревни, все же оно было значительным. Дети решили хоть чем-нибудь наградить волов-героев. Кто принес для них хлеба, кто — патоки, кто — отрубей.

— Ни у кого нет таких волов, — сказал один мальчик.

Другой поддержал его:

— Из такой дали одни пришли!

Третий мальчик добавил:

— Они не просто волы. Раньше они были людьми¹.

Никто не осмелился возражать ему.

Жена Джхури очень рассердилась, увидев волов.

— Какие вероломные твари! — закричала она. — И дня не поработали — удрали!

Джхури стал защищать своих любимцев:

— Чем же они вероломные? Их там, должно быть, не кормили, что же им оставалось делать!

— Ну конечно, только ты знаешь, как кормить волов, — презрительно возразила жена, — а другие, по-твоему, держат их на одной воде!

— Зачем им было убежать, если бы их там кормили?

— Потому и убежали, что у моего отца не привыкли нянчиться с волами, как это делаешь ты, болван! Там если кормят, так заставляют и работать. А твои волы лодыри, вот и удрали сразу. Их надо кормить одной сухой мякиной. Посмотрим, как они будут обходиться без отрубей и жмыхов. Хотят — едят, не хотят — пусть подышают.

И она приказала батраку давать волам только сухую мякину, ничего в нее не добавляя.

Волы опустили головы в кормушку. «До чего же невкусно! Ничем не заправлено, несочно! Как есть?» Выжидающе посмотрели на дверь.

¹ Последователи индуистской религии верят в посмертное переселение души.

— Эй, ты! — окликнул Джхури батрака. — Положи в кормушку жмыхов!

— Хозяйка прибьет меня за это.

— А ты положи так, чтобы она не заметила.

— Нет, хозяин, потом и вы станете на ее сторону.

3

На другой день снова пришел шурин Джхури и увел волов. На этот раз он запряг их в повозку.

Несколько раз Моти хотел опрокинуть повозку в придорожную канаву, но Хира, как более терпеливый, сдерживал его.

Доехав к вечеру до дома, Гая привязал обоих волов толстыми веревками и здорово наказал за вчерашний побег. А потом бросил в кормушку одной сухой соломы, своим же волам дал и жмыхов и муки.

Никогда раньше не приходилось Хира и Моти переносить такое оскорбление. Джхури не дотрагивался до них даже пальцем. Однако его крика было достаточно, чтобы волы бежали быстрее. А тут их избили да к тому же дали на ужин сухой соломы! Они даже не взглянули на нее.

На следующий день Гая запряг волов в плуг, но животные словно поклялись не сделать ни шагу с места. Гая замучился, избивая их. Когда же он сильно ткнул палкой в нос Хира, Моти не сдержал бушевавшей в нем ярости. Он бросился бежать, таща за собой плуг. Плуг, веревки, упряжь — все было порвано и поломано. Вряд ли волов удалось бы поймать, если бы не длинные обрывки веревок на их шеях.

— Бесполезно убегать, — сказал Хира на своем воловьем языке.

— Он чуть не убил тебя, — ответил Моти. — Теперь нас будут бить еще сильнее.

— Пусть бьют. Коли родился волон, разве спасешься от побоев? Сюда бежит Гая и еще двое. В руках у них палки.

— Если бы ты согласился, — сказал Моти, — я устроил бы им хорошую встречу. Узнали бы, как бить нас.

Но Хира уговаривал друга:

— Не надо, брат, стой спокойно на месте.

— Если они ударят меня, — возразил Моти, — я в долгу не останусь. Я свалю их на землю.

— Нельзя! Это не по законам нашего племени.

Моти скрепя сердце остался стоять. Подбежал Гая, поймал волов и повел домой. К счастью, на этот раз он их не бил, не то Моти не сдержался бы. Увидев налитые кровью глаза вола, и Гая и его помощники поняли, что лучше отложить расправу.

Снова в кормушку была брошена волам сухая солома. И снова друзья не стали ее есть.

Но когда у людей начался обед, из дома вышла маленькая девочка, сунула волам по куску хлеба и убежала. Разве можно утолить голод одним куском? Но на сердце у волов стало легче. И в этом доме живет благородная душа! Девочка была дочерью хозяина дома. Ее мать давно умерла, и мачеха постоянно была ее. Потому-то она и посочувствовала этим волам.

Весь день волы пахали, а когда упрямылись, их били. Вечером их привязали в хлеву. Стемнело — и та же самая девочка снова принесла им по куску хлеба. Ее чистая любовь поддержала волов, и они не слабели, а ведь за весь день съели лишь по несколько клочков сухой соломы. Но другими людьми они были возмущены до глубины души. И Моти сказал другу на своем безмолвном языке:

— Не могу больше терпеть, Хира.

— Что ты хочешь сделать?

— Я кого-нибудь подниму на рога и швырну наземь.

— Но ты же знаешь, что та хорошая девочка, которая кормит нас хлебом, — дочь хозяина дома. Если ты убьешь его, то бедняжка останется круглой сиротой.

— Тогда я подниму на рога хозяйку. Это она бьет девочку.

— Но ты забыл, что нельзя нападать на женщину.

— Ты не соглашаешься ни на что. Тогда послушай: давай сегодня порвем веревки и убежим.

— Хорошо, на это я согласен. Но как разорвать такую толстую веревку?

— Я знаю способ. Сначала надо пожевать веревку, тогда она лопнет от одного рывка.

Поздно вечером, после того как девочка, покормив их

хлебом, ушла, волю принялись жевать веревки. Но толстые веревки трудно было захватить ртом. Бедняги старались изо всех сил, однако ничего не получалось.

Вдруг снова пришла та же девочка. Волю, наклонив головы и подняв от радости хвосты, начали лизать ее руки. Лаская волов, девочка сказала:

— Я вас отвяжу. Бегите, не то они убьют вас. Сейчас они обсуждают, как продеть вам кольца в ноздри.

Она развязала веревки. Но волю не уходили. Моти на своем языке спросил товарища:

— Почему же теперь ты не убегаешь?

— Убежать-то недолго, но завтра эта сирота попадет в беду. Все догадаются, что это она отпустила нас.

Внезапно девочка закричала:

— Дядины волю убежали! Эй, дада, дада! Волю убежали! Идите скорее!

И волю побежали. Гая выскочил из дому и бросился ловить волов. Они побежали еще быстрее. Гая начал кричать, затем вернулся, чтобы позвать других на помощь. А друзья успели уйти уже далеко. Они бежали все прямо и прямо, пока не поняли, что оказались в незнакомом месте. Они не знали, как попасть на нужную им дорогу. Все новые и новые деревни попадались им навстречу. Волю остановились на краю какого-то поля и стали думать, что делать дальше.

— Кажется, мы сбились с дороги, — сказал Хира.

— Ты тоже хорош — помчался сломя голову! Надо было забодать его там на месте.

— Что бы люди сказали, если бы мы убили его? Пускай он нарушает закон, зачем нам подражать ему?

Волю были голодны, а в поле рос горох. Они принялись его щипать, время от времени прислушиваясь, не идет ли кто.

Наевшись досыта, опьяненные свободой, волю стали прыгать и резвиться. Потом оба заревели, скрестили рога и начали в шутку бодать друг друга. Моти заставлял Хира шаг за шагом отступать, пока тот не полетел в канаву. Тогда и Хира пришел в ярость. Оправившись от падения, он вскочил и бросился на Моти. Увидев, что игра вот-вот перерастет в драку, Моти отступил на край поля.

О, что это? К ним бежал огромный бык, огромный как слон! Друзья беспокойно оглянулись по сторонам. Вступить в бой с таким большим быком — значит погибнуть, а не вступать — все равно не спасешься. Он бежал прямо на них. У, какая страшная морда!

— Попали мы с тобой в беду, — сказал Моти.

— Как нам спастись? Скорее придумай какой-нибудь выход.

Хира беспокойно ответил:

— Бык ослеплен злобой. Наши мольбы на него не действуют.

— Давай убежим, пока не поздно.

— Бегство — трусость.

— Тогда умирай здесь один. Я убегу.

— А если бык погонится за тобой?

— Скорее же придумай, как спастись!

— Есть только один выход — напасть сразу вдвоем. Я — спереди, ты — сзади. Небось удерет, когда получит двойной удар! Если он бросится на меня, бей его рогами в живот. Это рискованно, но другого выхода нет.

И друзья, не щадя своей жизни, бросились на пришельца. Быку никогда не приходилось сражаться с таким дружным неприятелем. Он привык бороться один на один. Как только он бросился на Хира, Моти напал на него сзади. Когда же бык повернулся к Моти, его атаковал Хира. Бык рассчитывал расправиться с ними по одному, но друзья были хитры и не давали ему этого сделать. Улучив момент, когда бык, рассвирепев, бросился на Хира, Моти подскочил сбоку и вонзил рога ему в живот. Бык, еще больше разъярившись, обернулся назад — Хира ударил рогами в другой бок. Наконец несчастный, раненный бык бросился удирать, а оба друга долго преследовали его. Они гнались за быком до тех пор, пока он, задыхаясь от ран и усталости, не упал на землю. Только тогда волю оставили его.

Опьяненные одержанной победой, друзья продолжали свое путешествие. Моти сказал:

— Мне хотелось добить быка.

— Нельзя поднимать рога на поверженного врага, — упрекнул его Хира.

— Это все лицемерие. Врага надо так бить, чтобы он никогда не смог подняться.

— Подумай лучше о том, как добраться до дому, — переменял тему разговора Хира.

— Сначала поедим, потом подумаем.

Впереди было гороховое поле. Моти сейчас же забрался в него, хотя Хира запрещал ему это.

Моти принялся шипать горох, как вдруг с разных сторон подбежали два человека с палками. Хира стоял на дороге и без труда убежал от сторожей. Моти же был на поле, залитом водой. Его копыта вязли в грязи, поэтому он не смог убежать и был пойман. Хира увидел друга в беде и вернулся: уж если попадаться, так попадаться вместе. Сторожа поймали и его.

Утро застало обоих друзей запертыми в загоне для скота.

5

Впервые в жизни друзья за целый день не получили и былинки корма. Они недоумевали, что же это за хозяин. Даже Гая был куда добрее его. В загоне томились несколько буйволиц, коз, лошадей и ослов, и ни перед кем из них не было корма. Все они настолько ослабели, что не в силах были даже стоять и, как трупы, валились на землю. Целый день друзья простояли, не сводя глаз с ворот. Но никто так и не принес им корма. Волы пробовали лизать солоноватую глину стены, но разве можно этим утолить голод?

И вечером им ничего не дали поесть. В сердце Хира вспыхнуло возмущение. Он сказал другу:

— Я не могу больше выносить это, Моти!

— Кажется, мы умрем здесь, — не поднимая головы, ответил Моти.

— Не падай так быстро духом, брат. Надо придумать, как выбраться отсюда... Давай разломаем стену.

— У меня не хватит на это сил.

— Не верю! Ты же так гордился своей силой.

— Была, да вся вышла.

Стена загона была непрочной. И когда Хира острыми рогами из всех сил ударил в стену, от нее отвалился кусок глины. Это воодушевило его. С разбегу он сно-

ва и снова ударял в стену, и с каждым ударом отваливались новые куски глины.

В это время, проверяя, весь ли скот на месте, в загон вошел сторож с фонарем в руке. Увидев разрушения, которые произвел Хира, он жестоко избил его палкой и привязал к столбу толстой веревкой. Лежащий на земле Моти спросил друга:

— Ну вот, тебя избили, а чего ты добился?

— По крайней мере, я сделал все, что в моих силах.

— Что толку от твоих стараний, если тебя еще крепче привязали?

— Как бы крепко меня ни привязывали, я все равно буду продолжать бороться.

— Теперь придется отказаться от побега.

— Совсем нет. Если так лежать — все равно смерть. Подумай только, если бы стена обвалилась, сколько жизней было бы спасено! Здесь томится много наших братьев. Некоторые уже умирают. Еще несколько дней — и все мы погибнем.

— Пожалуй, ты прав. Хорошо, теперь я попробую свои силы.

И Моти ударил рогами в то же самое место стены. Посыпалась глина. Его отвага возросла. Он с такой силой вонзал рога в стену, словно боролся со смертельным врагом. Наконец после двух часов непрерывных ударов стена отвалилась сверху на полметра. И когда Моти с удвоенной силой нанес еще удар — половина стены рухнула.

Как только стена упала, полумертвые животные, лежавшие на земле, пришли в себя. Сразу же через пролом галопом выскочили все три лошади. Затем убежали козы, за козами исчезли из загона и буйволицы. И только два осла как стояли, так и остались на месте.

Хира спросил:

— Почему вы не убегаете?

Один из ослов ответил:

— Как бы опять не поймали!

— Что из этого? Сейчас-то вы можете убежать.

— Мы боимся. Мы лучше останемся здесь.

Было уже за полночь. Оба осла все еще стояли и думали, бежать или нет. А Моти пытался порвать веревку, которой был привязан друг. Но это ему не удалось, и Хира предложил Моти:

— Ты убегай, а меня оставь здесь. Может быть, и встретимся когда-нибудь.

— Неужели, Хира, ты считаешь меня таким эгоистом? — со слезами на глазах ответил Моти. — Сколько мы прожили вместе, и, если сегодня ты попал в беду, разве могу я бросить тебя здесь и убежать?

— Тебя будут очень сильно бить. Люди догадаются, что это твоя работа.

Моти с гордостью ответил:

— Стоит ли беспокоиться, если я пострадаю за то же, за что тебе на шею надели эту толстую веревку? Зато спаслись наши братья. Они будут с благодарностью вспоминать нас.

Моти рогами выгнал обоих ослов из загона, вернулся к пленному другу и улегся рядом с ним.

Нужно ли описывать ту ярость, которая утром охватила писаря, сторожа и других служащих. Достаточно сказать, что Моти жестоко избили и также привязали к столбу толстой веревкой.

6

Целую неделю оба друга оставались привязанными в загоне. Никто не бросил им ни травинки. Только раз в сутки приносили воду, этим они и держались. Оба так обессили, что не могли даже подняться и стали похожи на скелеты. Однажды за оградой забил барабан, и волы были выведены наружу. У ворот собралось человек пятьдесят. Они осматривали животных и с презрением отходили. Кто станет покупать подыхающих волов? Вдруг какой-то бородатый человек с грубым лицом и налитыми кровью глазами подошел к волам, ткнул пальцем в их кости и заговорил с мунши. Когда друзья увидели его лицо, сердца их задрожали от мрачного предчувствия. У них не было никакого сомнения, кто он и для чего их покупает. Волы с ужасом переглянулись и опустили головы.

Хира сказал:

— Зря мы убежали от Гая. Теперь нам уже не спастись.

— Говорят, что бог ко всем милостив, — с печальной усмешкой промолвил Моти. — Почему же на нас не распространяется его милость?

— Богу все равно, живем мы или умрем. В лучшем случае мы проживем еще несколько дней. Однажды бог руками той девочки спас нас. Не спасет ли и теперь?

— Этот человек заколет нас, вот увидишь.

— Чего беспокоиться? Мясо, шкура, рога, кости — все пойдет в дело!

После торга бородач увел друзей. Несчастные еле передвигали ноги, но из страха продолжали идти, спотыкаясь и падая. Как только они замедляли шаг, человек бил их палкой. По дороге им попало стадо коров и волов, пасущихся на зеленом лугу. Животные выглядели довольными, гладкими, жизнерадостными. Одни резвились, другие, удобно улегшись, жевали свою жвачку. Как счастлива была их жизнь! Но они были эгоистами — никого не беспокоило несчастье их двух братьев, попавших в руки к мяснику!

И вдруг друзьям показалось, что идут они по знакомой дороге. Да, именно этой дорогой шли они когда-то с Гая! Им стали попадаться знакомые поля, сады, деревни. Они ускорили шаг. Вся их усталость и слабость исчезли.

— Ах! Посмотри! Это же наше пастбище! Из этого колодца мы выкачивали воду. Ну конечно, это тот самый колодец! — воскликнул Хира.

— Вот мы и подходим к дому, — сказал Моти.

— Слава богу! — откликнулся Хира.

— Сейчас я побегу домой.

— А он позволит?

— Пусть попробует задержать — сшибу рогами.

— Не стоит с ним связываться, бежим скорее в хлев!

И оттуда никуда не уйдем.

Друзья, обезумев от счастья, подпрыгивая, как молодые телята, бросились к дому. Вот хлев. Моти и Хира вбежали в свои стойла.

Бородач гнался следом.

Джхури сидел у двери и грелся на солнышке. Увидев волов, он подбежал и стал обнимать их по очереди. Из глаз друзей потекли слезы радости. Кто-то из волов лизал руку Джхури.

Подбежал бородач и схватил волов за поводья.

— Это мои волы, — возразил Джхури.

— Как это — твои? Я купил их на торгах в загоне.

— А я считаю, что ты просто-напросто вор. Убирайся

подобру-поздорову! Это мои волы, и никто, кроме меня, не имеет права продавать их на торгах.

— Я пожалуюсь на тебя в полицию.

— Жалуйся куда хочешь. Это мои волы. И вот доказательство — они не убегают с моего двора.

Рассердившись, бородач хотел силой увести волов. Но Моти направил на него рога. Бородач отступил. Моти — за ним. Бородач пустился наутек. Моти гнался за ним, пока не выгнал его из деревни. Затем, остановившись, он стал наблюдать за действиями врага. Стоя на почтительном расстоянии, бородач грозил, ругался, бросался камнями. А Моти, как победивший воин, стоял, преграждая ему дорогу. Жители деревни смотрели на это зрелище и смеялись.

Когда наконец бородач, потерпев поражение, пошел прочь, Моти гордой поступью вернулся домой.

— Я боялся, как бы ты в гневе не убил его, — сказал Хира.

— Если бы он дотронулся до меня, я не оставил бы его в живых.

— Теперь не вернется.

— А вернется, я проучу его. Посмотрим, как он осмелится увести нас.

— А если он застрелит тебя?

— Умру, но к нему не пойду.

— У нас тоже есть душа, но никто этого не понимает.

— Это потому, что мы такие смирные.

Вскоре кормушки были наполнены жмыхами, соломой, отрубями и зерном, друзья принялись за еду. Около них стоял Джхури и гладил их, а целая куча ребятишек наблюдала за происходящим. Казалось, радовалась вся деревня.

В хлев вошла хозяйка и поцеловала обоих волов в голову.

Бальвант Гарги

БЕГ НА СТО МИЛЬ

Мы ломали себе голову над тем, как сообщить в соседние деревни о непредвиденном собрании, которое созывалось на следующий день в помещении крестьянского союза.

Дорог в нашем краю не было, только тропинки, неровные и извилистые, соединяли деревни между собой, и это значительно осложняло наше положение.

Собравшись в низкой, крытой тростником глинобитной хижине, которая являлась штабом местного крестьянского союза, мы думали о том, как же все-таки оповестить деревню о важном и срочном собрании. Бородатые крестьяне в больших пестрых тюрбанах, в рубахах из домотканного полотна взволнованно перебивали друг друга. Никто не знал, как быть.

Вдруг чей-то робкий голос привлек наше внимание.

— Поручите это мне, пожалуйста. Я сообщу в деревню.

Это сказал хорошо сложенный молодой парень лет двадцати, в поношенной рубашке и в латаных морковного цвета штанах.

— В какую деревню? — спросил я.

— Во все, — тихо ответил он.

— Во все? А ты знаешь, что собрание назначено на завтра?

— Знаю. Я обегу все деревни за несколько часов... Их ведь всего десять или двенадцать... Все расстояние-то миль шестьдесят.

Неужели он говорит правду? Я недоверчиво посмотрел на говорившего. Его толстые губы были словно борозды свежеспаханного поля. Темные усики и небольшая бородка только-только начали пробиваться на лице цвета ржавого железа. У него была длинная шея, поджарый, как у леопарда, живот и большие круглые, словно бронзовые щиты, колени. На безволосых, выпуклых икрах были вытатуированы изображения павлинов. Выражение больших навывкате глаз казалось тупым. Как, чорт возьми, можно пробежать шестьдесят миль за несколько часов! Повидимому, он не понимал, что говорил.

В это время Индер Сингх, старик-крестьянин с густой бородой и косматыми бровями, который дважды побывал в тюрьме за участие в движении арендаторов, похлопал меня по плечу, как было у него в привычке, и сказал:

— Это Бута Сингх из деревни Бхагу. Разве ты его не знаешь? Он может пробежать сто миль без передышки.

— Сто миль?

— Да, сто миль. Когда он бежит — вихрь взмывается у него из-под ног.

— Сто миль... — Я был озадачен.

— Неужели ты никогда не слыхал про Бута? — удивился Индер Сингх.

— Никогда.

— Бута, сын Ракхо. Он из деревни Бхагу, — начал Индер Сингх. — Ракхо родила его в поле во время уборки урожая. Она положила ребенка в корзину и продолжала работать. Вся семья жила тут же, на поле, под старым навесом из соломы. Чамба, отец Буты, охранял посевы от шакалов, фазанов, кроликов и других животных. Он захворал воспалением легких и умер холодной, ветреной ночью. После смерти мужа Ракхо продолжала жить в поле вместе со своим маленьким сыном. Цыгане, проходившие мимо, подарили Буте щенка. Щенок превратился в огромного пса. Мальчик вырос вместе с ним. Он крутил собаке хвост, та отрывисто лаяла и злобно рычала, играя с Бутой, как со старшим братом. Детство Буты прошло в погонях за верблюдами, жеребцами, шакалами и белками. Он бегал за кроликами, прыгая через изгороди, а собака по пятам следовала за ним. Он стал таким проворным, что мог догнать кролика, схватить его, отпустить и снова поймать. Кролик в состоянии пробежать четыре мили, шакал — около восьми, лошадь — самое большее сорок, самый резвый верблюд не пробежит и пятидесяти, а Бута может пробежать все сто.

— А сколько у него уйдет на это времени? — спросил я.

— Часов двенадцать. Конечно, лошадь или верблюд бегают быстрее Буты, но они не пробегут ста миль за раз.

Индер Сингх взглянул на меня и прибавил:

— Если ты не веришь моим словам, можешь проверить. Дай ему бумаги, и он еще сегодня доставит их.

Затем он обернулся к Буте и, протянув ему повестки, сказал:

— Бута, сынок, возьми эти бумаги и разнеси по деревням. Поспеши, мой лев.

И он подробно рассказал, кому их нужно вручить.

На следующий день, точно в назначенное время, все секретари деревенских отделений союза явились на собрание. Я спросил их, каждого в отдельности, кто принес им повестки. Все без исключения ответили: «Бута».

После собрания я увидел Буту Сингха в окружении Кумара Саида, адвоката, который на многих судебных процессах безвозмездно защищал арендаторов, Джуга Кишора, бывшего учителя, который в молодые годы сам

был атлетом, Амджера Сингха, старого судью и нескольких других просвещенных людей городка. Они беседовали с Бутой, печалась о том, что такое чудо неизвестно нигде за пределами его деревни.

— На соревнованиях во всем мире не бегают больше чем на двадцать пять миль, а Бута может пробежать сто! — вздохнул старый учитель.

— Будь у него возможность поехать в Лондон и принять участие в беге по пересеченной местности, его родная деревня Бхагу засияла бы на карте мира, — заявил судья.

— Наша страна полна чудес, — говорил Кумар Саид. — У нас есть замечательные ныряльщики, борцы и охотники, но они растрачивают свои способности впустую и умирают в неизвестности.

— Если Бута может пробежать сто миль, никакая сила не отнимет у него всемирной славы, — заключил судья.

В разговор вмешался пожилой сержант туземных войск:

— Махараджа очень любит игру в крикет и вообще всякий спорт. Если нам удастся довести рассказ о Буте до ушей его светлости, он, конечно, пошлет его на международные атлетические соревнования.

— А кто-нибудь проверял, может ли Бута пробежать сто миль? — спросил вдруг хитрый одноглазый писарь, который за небольшое вознаграждение составлял всем жалобы.

Лысый лавочник с сомнением взглянул на Буту и заметил:

— Понятие расстояния у крестьян весьма растяжимо. Он пробежит миль тридцать, а будет считать их за сто.

— Почему бы тогда не устроить пробный бег в нашем городе? — предложил учитель. — Может быть, нам даже удастся собрать немного денег, чтобы помочь Буте. Вокруг общинного луга будет примерно четыреста сорок ярдов. Если Бута пробежит вокруг луга четыреста раз, это составит сто миль. Лишь после такой проверки можно будет подумать о его будущем.

С этим предложением согласились все.

Я спросил Буту Сингха, согласен ли он бежать вокруг большого луга. Он потупился:

— Как вы скажете.

Мару, глашатай, объявил об этой новости по городу, барабанным боем привлекая к себе внимание жителей:

— Слушайте, люди! В воскресенье, в семь часов утра, Бута Сингх, знаменитый бегун, совершит стомильный пробег. Все желающие приглашаются посетить общинный луг, чтобы посмотреть на это удивительное зрелище. Бум! Бум! Бум!

В воскресенье рано утром на лугу собрался народ. Бута Сингх был одет в темные короткие штаны из домотканного полотна. Его длинные черные волосы, собранные на макушке в большой узел, были перевязаны рыжим платком. Сборщик пошлин приготовился считать количество кругов, которые пробежит Бута. В семь часов утра бывший учитель дал свисток, и Бута Сингх начал свой одинокий бег. Учитель сел рядом со сборщиком пошлин и наблюдал, как Бута бежал круг за кругом с той же скоростью, тем же шагом, в том же ритме. Все больше и больше людей собиралось на лугу. Шурша юбками, пришли женщины и уселись в сторонке, передавая друг другу разные сплетни, болтая о смертях и рождениях и глядя, как бежит Бута.

В полдень Бута остановился, выпил кружку молока, которую ему принес глашатай Мару, сменил насквозь пропотевшие штаны, прилипавшие к телу, причесал волосы, закрутил узел на голове, завязал его платком и продолжал свой пробег. Так он бежал до вечера и пробежал четыреста кругов к половине седьмого, на полчаса раньше назначенного времени. Солнце садилось. В его лучах пряди волос, выбившиеся из-под рыжего платка Буты, казались яркими перьями. Грудь бегуна тяжело вздымалась. От бронзового тела поднималась испарина. Глаза Буты радостно поблескивали.

Собравшиеся приветствовали и поздравляли бегуна, а двое энтузиастов подняли Буту на плечи и так несли до самого базара. Известие о том, что Бута пробежал сто миль, быстро облетело город. Бута Сингх сказал:

— Воля богов и их сила двигали моими ногами. Только благодаря этому я сумел пробежать сто миль. Если я поеду в Лондон, то уверен, что стану известным.

Мы передали сообщение об этом событии в местную газету, издававшуюся на нашем родном языке, и начали

строить планы об отправке Буты Сингха в город для свидания с его светлостью.

На третий день из деревни пришла мать Буты. Ракхо было лет шестьдесят. Коренастая, плотная крестьянка с толстыми, как у сына, губами и маленькими тусклыми глазками. Она пришла за сыном. Мы пытались уверить ее, что Буту ожидает большое будущее, но она не хотела даже слушать нас. Она говорила:

— Я не могу, чтобы мой сын жил в городе. Я уже стара и не в силах смотреть за хозяйством. Кто будет охранять посевы от шакалов и кроликов? Собака наша подохла. У меня никого нет, кроме сына. Я не могу жить без него. Я должна взять его с собой в деревню.

— Женщина, твой сын мировой чемпион, а ты держишь его у своей юбки, — настаивали мы. — Ему надо жить не в глухой деревне, а в городе. Мир должен узнать про него. Ты мешаешь его карьере. Думай не только о себе. Не будь глупой. Оставь его здесь.

Она недоверчиво слушала и твердила одно:

— Я не могу жить без моего сына. Я пришла за ним.

Но тут вмешался судья. Он сказал, что ее сына ждет великое будущее, что его хочет видеть сам махараджа, и старуха уступила.

Бута Сингх тоже сказал свое слово:

— Не беспокойся, мать. Скоро я поеду за семь морей и пробегу в Лондоне сто миль, и тогда весь свет узнает про меня... Мне нужно только добиться того, чтобы поехать в Лондон.

На следующий день старуха отправилась в деревню одна.

Мы собрали немного денег для того, чтобы Бута мог добраться до столицы княжества. Пока что его приютил судья, живший на окраине города. По вечерам у судьи собирались его приятели и играли в бридж, а Бута сидел в одиночестве на веранде, углубившись в свои мысли. За это время мы отправили два письма: одно — чиновнику, ведающему в городе спортом, а другое — его светлости, и ждали ответа. Каждое утро Бута бегал на почту за корреспонденцией для судьи. Иногда, после обеда, он шел на базар с поручением принести листья бетеля, сигареты, лед или лимоны. Число гостей судьи постепенно сокращалось. Все меньше и меньше посетителей приходило в бунгало

судьи поглазеть на Буту, словно на диковинного зверя в зоопарке. Привлекательность новизны исчезла, и Буту оставили в покое, словно пустое веретено без клочка шерсти. Так прошло три недели, которые показались Буте годами.

Однажды он обратился ко мне:

— Господин, я знаю одного человека, который бывал при дворе махараджи. Теперь он живет в Фаридкоте. Он хорошо знаком с махараджей. Если я навещу его, он легко может представить меня махарадже. И уж тогда я добьюсь чего хочу.

И Бута отправился в Фаридкот, чтобы повидать своего знакомого.

Вскоре после этого до меня дошли слухи, что Бута уже в столице княжества. Длинная цепочка рекомендаций в конечном счете привела его к адъютанту махараджи, который обещал ему устроить аудиенцию у его светлости.

Но пока что в дела Буты вмешались большие события. Произошел раздел страны.

Я был занят своей работой в Лахоре, и у меня не было времени поехать в деревню. Затем я перебрался в Дели и потерял всякую связь с Бутой Сингхом.

Я не видел Буты в течение двух лет. Но кое-какие сведения о нем дошли до меня: Бута все еще ждал аудиенции, но всякий раз какое-нибудь неотложное дело государственной важности занимало внимание махараджи. Адъютант предложил Буте занять в городе какую-нибудь должность, чтобы не бегать всякий раз из деревни в город и обратно, расходуя на это время и деньги. При первой же возможности Буте обещали аудиенцию, после которой он будет отправлен на олимпийские игры. Бута согласился и получил должность стража княжеской кухни. Он считал, что получает жалование ни за что, так как ему почти ничего не приходилось делать — сиди себе на табуретке, зевай да потягивайся на солнышке или прогуливайся по саду.

Однажды в город пришла мать Буты, чтобы забрать его с собой в деревню. Но Бута, который уже знал рутину городской жизни, вечные задержки и волокиту, просил ее вернуться домой, уверяя, что все их заботы окончатся, как только он получит возможность побывать в Лондоне. Он отдал старушке свое жалование за последние три ме-

сяца. Она завязала деньги в край сари и вернулась в деревню.

Бута продолжал нести свою службу. Но он уже начал ощущать усталость от безделья. Непривычный к сидячему образу жизни, он искал любого предлога, чтобы пойти побродить по базару. Однажды он не являлся на службу целый день. Об этом нарушении было доложено управляющему, а затем и еще выше. Буте сделали строгий выговор, предупредив, что в случае повторения его немедленно выгонят. А ведь тогда надежда поехать на атлетические соревнования будет потеряна навсегда...

Это испугало Буту. Он виновато хлопал глазами и обещал исправиться. С этого дня он стал очень аккуратным и осторожным.

Год спустя я приехал в город, чтобы предстать в качестве свидетеля перед судом. К вечеру, после утомительного судебного разбирательства, я вышел на дорогу, поджидая какого-нибудь транспорта. Вдали я увидел медленно приближавшегося ко мне рикшу с седоком. Рядом с коляской, опираясь на палку, шла старуха. Рикша приблизился, и в седоке я узнал Буту Сингха. Он был в коротких штанах цвета хаки и в кожаных ботинках. Его рубаша и тюрбан были сравнительно новые. Он остановил рикшу и приветливо улыбнулся мне.

— Как поживаешь, Бута? — спросил я.

Он ответил:

— Спасибо, хорошо, благодаря богу и вашей доброте. Его светлость находится сейчас в своем летнем дворце. Как только он вернется, я тут же получу аудиенцию. Мое имя стоит в самом верху списка... Я слышал, что спортивная команда отправляется осенью в Лондон. Надеюсь, что меня включат в нее...

Я удивленно спросил, почему он едет в коляске.

Старуха, это была Ракхо, тяжело вздохнула и пробормотала:

— О сынок, мой Бута непривычен к такой работе. Вечно сидеть на одном месте, словно какой-нибудь бездельник... Это тяжело отразилось на нем. Кровь у него свернулась и сгустилась в коленях. Взгляни, как у него распухли колени! Бедный мой мальчик!.. — Она начала бить себя в грудь и причитать. — Сейчас я везу его в больницу, там ему лечат колени...

Я посмотрел на ноги Буты. Некогда сильные, круглые, как щиты, колени отекали и распухли. Сердце у меня болезненно сжалось при виде этого инвалида.

Бута печально посмотрел на меня. Вдруг луч надежды мелькнул у него в глазах, губы приоткрылись, словно отвалился слой земли под лемехом, и он сказал:

— Доктор лечит меня всякими электрическими машинами. Через неделю я буду здоров и снова смогу бегать. Тогда я поеду в Лондон и приму участие в беге на сто миль...

Я взглянул на его лицо, посветлевшее от надежды, которая, как мираж, влекла его из одной пустыни в другую. Он был словно раненая лань, изнывающая от жажды и падающая с ног, но все еще надеющаяся добраться до воды, которая сверкает в отдалении...

Рикша тронулся с места, а я все стоял, глядя на мать с сыном, пока они не исчезли за дальним поворотом дороги.

Прем Чанд

СЕР С ЧЕТВЕРТЮ

1

В одной деревне жил крестьянин из касты курми, по имени Шанкар. Бесхитростный бедняк интересовался только своим хозяйством и не вмешивался в чужие дела. Не знал он, что такое обман, и не был отравлен ядом лицемерия. Он не был знаком с искусством грабежа и не беспокоился, что его могут ограбить. Если в доме не было

настоящей еды, он поджаривал себе зерна, когда же не было и их, довольствовался одной водой и ложился спать с именем Брахмы. Но когда в доме появлялся гость, покой его скромной жизни был нарушен. Особенно если приходили святые люди. Тогда ему неизбежно приходилось просить помощи у соседей — сам-то он мог лечь спать голодным, но разве можно оставить голодным святого человека, служителя бога!

Однажды вечером какой-то святой попросился к нему на ночлег. Вид у святого был великолепный: желтая шелковая одежда, спутанные волосы, в руках — бронзовый сосуд для воды, на ногах — деревянные сандалии, на носу — очки. Всем своим обликом он походил на тех служителей бога, которые вершат религиозные обряды во дворцах богачей, посещают святые места в роскошных автомобилях и для духовного слияния с богом едят дорогую пищу. В доме у Шанкара была только ячменная мука. Мог ли он предложить это гостю? В древние времена ячмень, может быть, что-нибудь и значил, но в наши дни для знаменитых людей он уже несъедобен. Шанкар был очень обеспокоен: чем накормить важного гостя? Решил взять в долг немного пшеничной муки, но во всей деревне не нашел ее. В деревне жили простые люди, откуда же могла взяться здесь пища, которую едят знаменитые люди. К счастью, он все же достал немного пшеницы у деревенского священнослужителя. Он взял в долг сер с четвертью пшеницы и велел жене размолоть зерно. Святой наелся и безмятежно уснул. Утром он благословил хозяина и пошел своей дорогой.

Дважды в год брахман-пандит собирал у крестьян подношения. Шанкар решил, что ему незачем отдавать сер с четвертью отдельно, просто во время сбора зерна вместо обычных пяти серов он отдаст немного больше и они будут в расчете. В апреле, когда пришел брахман, он отдал ему около семи с половиной серов пшеницы и, ничего не сказав, перестал считать себя должником. И брахман с него ничего не требовал. Разве знал простодушный Шанкар, что всей жизни ему не хватит, чтобы вернуть этот сер с четвертью!

Прошло семь лет. За это время брахман-пандит превратился в ростовщика, а Шанкар — из крестьянина в батрака. Его младший брат, Мангал, отделился. Пока они

жили вместе, оба были крестьянами; разделились — и стали батраками. Шанкар не хотел, чтобы между ними разгорелся огонь вражды, но обстоятельства оказались сильнее его. Он горько рыдал в тот день, когда в доме впервые разожгли два отдельных очага. С этого дня братья стали врагами. Если один плакал, другой смеялся, когда один был в трауре, другой устраивал пир. Родство по крови, родство людей, вскормленных молоком одной матери, братская любовь — все было уничтожено. С огромным трудом выращивал он дерево семейной чести, поливал его своей кровью. Сердце его разрывалось от горя, когда он видел это дерево вырванным с корнями из земли. Целую неделю он даже не притрагивался к пище. Работал под июньским палящим солнцем, а вечером ложился спать с тяжестью на сердце. Душевные страдания и тяжелый труд истощили его силы, изнурили тело и иссушили мозг. Он заболел и несколько месяцев не вставал с постели. Как жить? У него осталась половина поля — два с половиной бигха земли и один вол, — все равно что ничего!.. Дело до того дошло, что работа на своем поле стала лишь средством поддержания семейных традиций, а чтобы существовать, надо было батрачить.

Прошло семь лет. Однажды, когда Шанкар возвращался с работы домой, по дороге его остановил брахман:

— Шанкар, зайди как-нибудь ко мне! Нам надо рассчитаться. За тобой с давних пор числится семь с половиной манов пшеницы, а ты и не думаешь отдавать долг. Уж не хочешь ли ты присвоить их?

Шанкар был изумлен:

— Когда это я брал у вас столько пшеницы, что оказался должен семь с половиной манов? Вы ошибаетесь, я не должен вам ни горсти зерна и ни гроша денег.

— Вот и есть нечего тебе только потому, что ты так рассуждаешь!

И брахман напомнил Шанкару о том сере с четвертью, который он дал ему семь лет назад. Услышав это, Шанкар остолбенел: «Великий боже! Ведь я вернул ему этот долг во время сбора урожая, а он вон что со мной сделал! Да еще, приходя рассчитываться, брал плату за предсказание судьбы. Это подлость! Из несчастного сера с четвертью высидел дьявола, который меня сожрет. Хотя бы раз за

столько лет сказал — я бы без звука отвесил пшеницы и отдал ему. Нет, нарочно ведь молчал!»

— Вспомните, господин, я не отдавал вам этого сера с четвертью как долг, но зато каждый раз при сборе урожая прибавлял по одному, а то и по два сера. А теперь вы требуете с меня семь с половиной манов! Откуда ж я возьму столько?

— Когда дело идет о долге, записывается каждое зернышко, а дарить можешь хоть маны. Все, что ты давал, — это не в счет, хотя бы ты дал и двадцать серов. В списке должников за тобой записано семь с половиной манов, можешь посчитать. Отдашь долг — я вычеркну твое имя, не отдашь — долг будет расти.

— Господин! Зачем вы мучаете бедняка? Мне же есть нечего! Откуда я возьму столько пшеницы?

— Бери откуда хочешь! А я и зернышка своего так не оставлю. Не можешь отдать долг на земле, вернешь на том свете.

Шанкар задрожал. Если бы он не был темным человеком, то сказал бы: «Очень хорошо. На том свете мы и расплатимся. Вряд ли гири тамошних весов тяжелее здешних. По крайней мере, у нас на этот счет никаких доказательств нет, чего же беспокоиться!»

Но Шанкар не умел так рассуждать, не умел он и хитрить. Ведь долг его записан в книге, и к тому же в книге брахмана, значит после смерти он пойдет прямо в ад. Эта мысль привела его в трепет.

— Зачем на том свете, господин? — сказал он. — Все, что я должен, отдам здесь. Хватит того, что я мучаюсь здесь, зачем же портить себе жизнь на том свете? Но разве это справедливо? Муху превратили в слона! Вы брахман, и вам не к лицу так поступать. Нужно было раньше потребовать уплаты, тогда это несчастье не свалилось бы на мою голову! Я как-нибудь отдам долг, но вам придется держать за это ответ перед Брахмой.

— Это ты бойся Брахмы, мне его бояться нечего. На небе вокруг меня будут родственники и друзья. Святые и праведники все были брахманами. Они защитят меня, если потребуется. Когда же отдашь долг?

— У меня нет ни зернышка, даже если попрошу у кого-нибудь и то не наберу столько.

— Ну уж нет! Прошло уже семь лет, больше не буду

ждать ни одного дня. Не можешь отдать пшеницу — пиши расписку.

— Раз уж надо платить, то все равно, возьмете ли вы пшеницу или расписку. Из какого расчета будете писать цену?

— Базарная цена — пять серов на рупию. Я возьму с тебя меньше, за рупию — пять серов с четвертью.

— Не надо. Уж раз я отдаю долг, то буду отдавать по базарной цене. Выгадаешь четверть сера, а потом будешь чувствовать себя обязанным.

Подсчитали, и оказалось, что пшеница стоит шестьдесят рупий. Написали расписку на шестьдесят рупий, с процентом в три рупии. Если долг не будет выплачен в течение года, проценты увеличатся до трех с половиной рупий. Сверх всего, Шанкару пришлось уплатить полрупии за марку и рупию — за написание расписки.

Вся деревня осуждала брахмана, но никто не сказал ему этого в лицо. Кто выступит открыто против человека, в котором все нуждаются?

2

Целый год вел Шанкар суровую жизнь аскета, как будто он поклялся вернуть долг до срока. И раньше-то в его доме не топились в полдень печка, семья питалась лишь поджаренными зернами. Теперь кончились и они, только сыну давали по вечерам немного хлеба. Раньше Шанкар выкуривал в день на одну пайсу табаку. Это была его страсть, от которой он не мог отказаться. Теперь эта привычка была принесена в жертву суровому обету. Шанкар поломал свои трубки и разбил вдребезги горшок, в котором держал табак. Если и раньше у его семьи было только самое необходимое из одежды, то теперь все ходили в жалких лохмотьях, еле прикрывавших наготу. И результат превзошел ожидания: к концу года у него было шестьдесят рупий! Шанкар решил отнести эти деньги брахману и сказать, что очень скоро вернет и остальные. Ведь теперь речь шла всего о пятнадцати рупиях, неужели брахман не согласится подождать? Когда он смиренно вручил деньги брахману, тот удивился:

— Взял у кого-нибудь в долг?

— Нет, господин. Вашими молитвами на этот раз я хорошо заработал.

— Но здесь только шестьдесят рупий.

— Да, господин, возьмите, пожалуйста, пока эти, остальное я верну в два-три месяца. Освободите меня от долга.

— От долга освобожу, когда отдашь все до последнего гроша. Принеси еще пятнадцать рупий.

— Господин, смилуйтесь, мы давно не едим хлеба даже вечером. Я никуда не денусь из деревни. Не сегодня-завтра отдам остальные деньги!

— Я не люблю много разговаривать. Не принесешь все деньги, с этого дня буду начислять проценты — три с половиной рупии. А эти деньги можешь хранить дома или оставь у меня, как хочешь.

— Ладно, берите то, что принес. Пойду постараюсь достать где-нибудь еще пятнадцать рупий.

Шанкар обошел всю деревню, но никто не дал ему денег. И не потому, что ему не верили или в деревне их не было, — просто никто не осмелился стать между брахманом и его жертвой.

3

Прилив энергии сменяется ее спадом — таков извечный закон природы. Когда после целого года самых тяжелых лишений Шанкар не смог освободиться от долга, его напряжение сменилось полным упадком сил. Если ценой таких лишений он сумел накопить всего лишь шестьдесят рупий, то где же найти такое средство, чтобы накопить больше? Если над тобой висит долг, то не все ли равно, ман это или ман с четвертью? Он возненавидел труд. Надежда — мать энергии, в надежде — сила, огонь, жизнь. Надежда движет миром. Потеряв надежду, Шанкар стал безразличен ко всему. Те желания, которые он подавлял в себе целый год, теперь уже не были похожи на нищих, униженно стоящих на пороге дома. Теперь они превратились в дьяволов, которые терзали грудь и не желали оставить душу, не получив жертвы. Нельзя без конца класть заплату на одежду! И теперь, получив деньги, Шанкар больше не откладывал их, а приносил домой что-нибудь из одежды или из еды. Если раньше он курил

только табак, теперь у него появилось пристрастие к гашишу и чарасу. Теперь он совсем не беспокоился о выплате денег, как будто не был должен никому ни пайсы. Раньше он шел на работу, если даже его трясла лихорадка, теперь он выискивал предлог, чтобы остаться дома.

Так пролетело три года. Ни разу господин брахман не потребовал от него денег. Как искусный охотник, он хотел нанести смертельный удар. Не в его правилах было впускать жертву раньше времени.

Однажды он позвал Шанкара и показал ему счет. За вычетом шестидесяти рупий, внесенных ранее, долг Шанкара составил сто двадцать рупий.

— Столько я не смогу отдать и за всю жизнь. Придется расплачиваться на том свете.

— А я получу их с тебя на этом. Если не основную сумму, то проценты с нее тебе придется отдать.

— У меня есть вол — возьмите его, есть хижина — забирайте и ее. Больше у меня ничего нет.

— Что я буду делать с твоим волем? У тебя есть кое-что подороже, чтобы расплатиться со мной.

— Что же еще, господин?

— Ничего особенного. Всего-навсего ты сам. В конце концов, ты ведь все равно ходишь куда-то работать. А мне приходится держать батрака. За проценты поработаешь у меня, а посчастливится — отдашь и остальное. Правда, ты будешь работать только у меня и нигде больше, пока ты не отдашь долг. У тебя нет никакого имущества. Разве я могу в таком деле положиться на твое слово? Кто поручится, что ты отдашь долг в течение нескольких месяцев? Ты не можешь отдать даже проценты, что же говорить об основной сумме?

— Господин, если я буду отрабатывать проценты, кто же меня будет кормить?

— У тебя есть жена, сыновья; не будут же они сидеть сложа руки! Хорошо, я буду давать тебе каждый день по половинке сера ячменя на завтрак, а за год получишь одеяло и одну рубашу. Что еще тебе нужно? Правда, другие дают тебе за день шесть ан. Я не собираюсь этого делать — ведь я тебя буду держать, чтобы получить свои деньги.

После недолгого тягостного раздумья Шанкар сказал:

— Господин! Но ведь это же рабство на всю жизнь!

— Рабство или работа — понимай как хочешь. Но я не оставлю тебя в покое, пока не получу все свои деньги. Ты убежишь — заплатит твой сын. Если уж никого не останется, тогда другое дело.

Жаловаться было некому. Кто поручится за батрака? Где найдешь прибежище, куда уйдешь? На другой день он начал работать у господина брахмана. За сер с четвертью пшеницы ему пришлось надеть на себя цепи рабства. Единственным утешением несчастного была мысль о том, что этим он очистится от грехов прежней жизни. Жене приходилось выполнять такую работу, которой раньше она никогда не делала, дети голодали, но Шанкар ничего не мог поделать. Ему оставалось только беспомощно смотреть на все это. Эти несколько зерен тяжелым ярмом легли на всю его жизнь!

После двадцати лет рабского труда у господина брахмана Шанкар покинул этот печальный мир. За ним все еще числилось сто двадцать рупий! Брахман считал неудобным отягощать встречу несчастного с богом, он не был настолько жесток и несправедлив и не заставил его расплачиваться на том свете. Он схватил за горло его молодого сына. Тот работает на господина брахмана и по сей день. Кто знает, когда он освободится и освободится ли?

Не подумайте, читатель, что эта история вымышлена. Она произошла на самом деле. Мир и сейчас еще не свободен ни от шанкаров, ни от подобных священнослужителей!

Аннабхау Сатхе

Р А Б

Душа Сону рвалась на волю подобно птице, томящейся в клетке. «Если я убегу, — думал он, — сахукар пошлет за мной погоню. Если меня поймают — мне несдобровать. Что же делать?»

Тяжело вздохнув, он огляделся кругом. Наступила полночь. При свете луны весь парк казался серебряным.

Среди зарослей чику, манго, бананов и других деревьев стоял красивый дом сахукара Маника. Воздух в саду был напоен ароматом цветов. В стороне от сада стояло старое, высохшее дерево. Это дерево было хранителем царства тьмы. Здесь, в тиши, сидел Сону и думал о своей жизни.

Местность Варли с ее богатой растительностью казалась мирной и погруженной в сон. Сону старался справиться с бесконечным потоком мыслей, которые набегали, как волны, одна за другой. Эти мысли жгли ему душу. Воспоминания двадцатилетней давности, как сухие листья, вспыхивали и сгорали на этом огне.

Давным-давно «благодетель» — отец Маника — затратил сто пятнадцать рупий и весь запас прокисшего пальмового вина из своей лавочки и устроил свадьбу деда Сону. Но за всю свою жизнь дед так и не смог расплатиться с долгом, и в один прекрасный день он умер в хижине, подаренной ему по случаю свадьбы. Теперь этот долг стал выплачивать Манакья — его сын. Впоследствии Маник затратил еще сто рупий на свадьбу Манакья. Он и его жена стали отрабатывать свой долг господину Манику.

Работали они не щадя сил, но до самой смерти так и не смогли выплатить долг. Всю свою жизнь Манакья провел на усадьбе сахукара. Он всегда был занят какой-нибудь работой, потому что помещик, подобно Ямадутте, постоянно следил за ним. Нужно ли было вычистить лошадей, заложить ли тонгу, пасти буйволов, доить коров, пахать землю, сеять, пилить дрова или посторожить что-нибудь — всю эту работу выполняли Манакья и его жена.

Если иногда Манакья уставал и с опозданием выходил на работу, то хлыст хозяина осведомлялся о его здоровье. Несомненно, Манакья очень ценил такой знак внимания со стороны хозяина. Но Манакья никогда не жаловался — ведь он был раб, купленный за свадьбу!

Когда Сону исполнилось восемь лет, он тоже начал работать вместе с родителями. Сону вспомнились те страшные дни...

Манакья внезапно заболел лихорадкой. Приступ мучил его два дня, на третий день все его тело покрылось сыпью, как это бывает при оспе. Манакья так ослабел, что не мог пошевелиться, ему было трудно говорить. Сону

с матерью сидели у его изголовья и плакали, не в силах побороть горе и отчаяние.

На четвертый день, в полночь, мать начала разжигать очаг, а Сону сидел у изголовья отца и тихо всхлипывал. У них не было даже лампы. Резкий голос хозяина заставил их вздрогнуть:

— Эй, Манакья, выходи!

Сону покрылся холодным потом от страха. Его глаза привыкли к темноте, но он боялся встать. Мать, дрожа от испуга, открыла дверь:

— Хозяин, у него оспа!

Маник вошел в хижину. Он был пьян и шатался.

— Вставай! — приказал он.

Манакья, сложив руки, прошептал:

— Хозяин, у меня оспа...

Маник не дал ему договорить и начал бить и топтать его ногами. Манакья закричал от боли. Сону громко плакал. Мать умоляла ростовщика не бить мужа. Наконец хозяин устал. Он позвал патана, приказал ему принести фонарь и обратился к Манакья:

— Ты почему сегодня не пахал?

— Хозяин, у меня оспа...

Хозяина взорвало. Он схватил Манакья, вытащил его за дверь и приказал:

— Иди пахать!

Манакья подозвал Сону, погладил его по голове, кое-как успокоил, простился с женой и поплелся за хозяином. По дороге он оглянулся и еще раз посмотрел на свою хижину. Сону хотел пойти с ним, но мать непустила его. Манакья ушел, не сказав больше ни слова.

Они сидели у порога, дожидаясь отца. Наступило утро. Пришел слуга и сказал им:

— Манакья лежит там на поле, можете пойти за ним!

Мать вместе с Сону побежали туда. Манакья лежал рядом с плугом. На шее его было надето ярмо, на теле синели кровоподтеки. Но он уже не страдал. Когда Сону понял, что случилось, он упал на тело отца и зарыдал. Мать оцепенела от ужаса.

Через несколько дней скончалась и она. Сону остался один. Теперь должен был работать он. Он колол дрова и выполнял другую тяжелую работу. Так, отрабатывая долг, переходивший из поколения в поколение, Сону до-

жил до двадцати лет. Это рабство оставил ему в наследство его отец.

Но, подобно тому как все меняется в природе, в жизни Сону тоже произошли перемены. До сих пор он не задумывался над своей судьбой, но теперь поток новых мыслей создал опасный беспорядок в его прежде спокойной душе.

Неделю тому назад он с разрешения хозяина отправился на праздник в честь богини Лакшми. Преклонив колени, он молил богиню о счастье. Но богиня молчала. Тогда он встал и пошел смотреть праздник. Сейчас он был хорошо одет: старая куртка, дхоти и шапка. На площади он увидел толпу варлийцев и присоединился к ним.

Старики, юноши, женщины, дети — все собрались здесь. Сону подсел к ним. Выступал варлиец Куша, руководивший этим собранием. Рядом с ним была его дочь Матхи. Увидев ее, Сону ощутил прилив какого-то необычного чувства. Шестнадцатилетняя Матхи, на платье которой был приколот значок «Кисан-Сабха», внимательно следила за ходом собрания. Ее большие глаза сияли, лицо как бы светилось. Она также была одета по-праздничному. Сону был очарован ее красотой, но стыдился своего чувства. К тому же он вспомнил, что он — долговой раб, и ему сразу стало грустно. Он посмотрел вокруг — все варлийцы спокойно следили за ходом собрания.

Среди собравшихся было много незаконнорожденных детей помещиков, и это удивило Сону. Рядом с Сону сидел Даджи — один из таких юношей.

Услышав слова оратора, Сону как будто очнулся от сна. Эта речь глубоко взволновала его, она дошла до его сердца.

— Сделавшись рабом, купленным за свадьбу, варлиец всю свою жизнь работает на помещика. Нет такого закона! — говорил Куша.

Собрание уже окончилось, а Сону все еще сидел на своем месте. Эти слова все еще звучали в его ушах. Он пытался побороть волнение, но это ему никак не удавалось. К нему подошел Куша:

— Ну как, Сону, правильно я говорил? — Сону понимал, о чем его спрашивают, но от волнения не мог ответить.

Он увидел, что за спиной Куша стоит Матхи и улыбается, как будто хочет подбодрить его.

Сону, Куша, Матхи и Даджи вместе отправились обратно. Сону шел, опустив глаза. Он все время думал о Матхи, и в ушах его звучали слова:

«Нет такого закона!»

Все шли молча. Первым заговорил Куша:

— Послушай, Сону, мы хотим начать борьбу за освобождение рабов, купленных за свадьбу, так что ты тоже готовься!

Сону очень обрадовался: ведь Куша выразил его сокровенную мечту! Он быстро спросил:

— Так мне что, прийти к вам?

Не успел Куша ответить, как Матхи быстро сказала:

— Да, да, обязательно приходи!

Сердце Сону затрепетало от радости. Ему очень хотелось прийти в селение Куша и остаться там жить свободным варлийцем. Ведь там живет Матхи! Ее присутствие вдохновит его. Он станет работать с удесятеренной силой. Он думал об этом все время, пока они шли вместе. Потом они расстались; Сону и Даджи свернули на дорогу, ведущую в их селение, а Матхи и Куша пошли в свою деревню. Сону сразу почувствовал себя одиноким.

Когда Куша скрылся из виду, Даджи сказал:

— Знаешь, Сону, никогда не слушай Куша — он дурак и негодяй.

— Почему? Откуда ты это взял?

— Я сватался к Матхи, а он мне отказал. Он думает, что его дочь — райская гурия.

Сону не понравились слова Даджи.

С той поры Сону загрустил.

«Если бы я был свободен, я бы женился на Матхи и был бы счастлив...» Он страстно желал стать свободным человеком. Эти мысли сводили его с ума. Он только и думал, как бы убежать от хозяина и освободиться от рабства. «А что, если меня поймают? Что тогда? Хозяин убьет меня! Ведь убил же он отца и, если теперь убьет и меня, все равно останется безнаказанным. Так что же делать?»

Он закрыл глаза и лег на землю, но тревожные мысли не оставляли его ни на минуту. «А если я останусь здесь, то все равно в один прекрасный день умру от непосильно-

го труда. И моя мечта жениться на Матхи так и останется мечтой! Так почему бы мне не пойти в деревню Куша и не примкнуть к движению? Матхи тоже будет очень рада. Да и чего мне бояться, если Матхи не боится?»

Ночь окутала мир своим волшебным покрывалом. Охотничья собака помещика бегала по саду, иногда приближаясь к хижине. А Сону все думал и думал.

«Нет такого закона!» Эти слова Куша все еще звучали в его ушах. Большие прекрасные глаза Матхи звали его. Он давно был готов сбросить с себя оковы рабства. Но ведь все его предки были долговыми рабами, поэтому он еще боялся убежать. Сейчас сама жизнь звала его.

Сону прислушался — патан храпел. Наступало утро, и скоро весь мир должен был проснуться. Сердце Сону тревожно затрепетало. Он протянул руку и пошарил по земле. Рука нащупала топор. Три поколения рабов рубили этим топором дрова для помещика! Сону встал. В висках у него стучало. «Если патан проснется, — решил он, — размозжу ему голову. Что бы ни было, я убегу отсюда!» Он смело вышел на улицу. С топором на плече он отправился к деревне Куша. Его никто не остановил, да и не нашлось бы на свете такой силы, которая смогла бы его остановить! Вскоре он добрался до деревни и постучался в дом Куша. Матхи искренне обрадовалась ему.

Движение варлийцев росло и ширилось. Целых восемь дней земля сотрясалась, как при стихийном бедствии. Повсюду появлялись группы варлийцев и освобождали долговых рабов, купленных за свадьбу. Сону стал руководителем одной из таких групп.

Помещикам удалось привлечь на свою сторону только нескольких предателей и людей вроде Даджи. Они разыскивали Сону, чтобы убить его. Им было непонятно, как это забитые рабы смогли подняться на такую борьбу.

Над землей стоял палящий зной. В воздухе носились тучи горячей красной пыли, вздымаемые порывами ветра. Как только Сону появился в своей деревне Талавид, там началось волнение. Сону созвал всех рабов на площадь, многие из них вступили в отряд своих братьев по касте. Всем отрядом они двинулись дальше. Они освободили всех рабов в деревне. Наконец Сону подошел к дому Маника и остановился около двери. На плече у него был топор. Он громко позвал хозяина, — в его голосе слыша-

лась гордость свободного человека. Маник спрятался и, конечно, не подумал выйти к нему. Тогда Сону топором изрубил на мелкие части хлыст сахукара. Затем он подошел к хижине Даджи. Даджи не ответил на его призыв и тоже не вышел к нему. Сону понял все и двинулся со своим отрядом дальше. Все помещики затаили в глубине души злобу на Сону.

Каждый вечер Сону возвращался в селение Куша, где Матхи с нетерпением ожидала его. В те дни она испытывала большой прилив радости и сил. Она много времени проводила среди женщин и вдохновляла их.

Прошла неделя, прошел месяц. Варлийцы продолжали бороться против несправедливости и беззакония. Помещики во всей округе были серьезно встревожены этим. Их власть заколебалась. Они были вынуждены пойти на соглашение с варлийцами. Увеличили плату батракам и отменили долговые проценты. Крестьяне и батраки выдвигали свои требования. Страдания Маника стали совершенно невыносимы, его сердце обливалось кровью. Он не мог примириться с мыслью о движении варли. Три поколения рабов трудились на него, как волы, всю свою жизнь, он мог избивать их и даже убить, а теперь их дети восстали против этого! Он считал, что все дело в одном Сону и если убить его, то волнения прекратятся. Он пригласил к себе Даджи и составил вместе с ним план...

Был вечер. В лучах заходящего солнца все вокруг казалось окрашенным в красный цвет. В деревне Куша варлийцы мирно трудились на своих полях. На улице играли дети. Матхи была довольна — Сону, уставший за день, вернулся и сейчас отдыхал. Его приход всегда доставлял Матхи какую-то особенную радость. Пришел Куша, и они все вместе поужинали. В это время где-то раздался крик. Все варлийцы знали, что означает такой крик. Так обычно призывали друзей на помощь. Куша, Матхи, Сону и другие варлийцы пошли к тому месту, откуда слышался голос.казалось, человек кричал где-то рядом. Затем они услышали:

— Сегодня вечером в деревне Талавид бандиты, нанятые помещиками, хотят сорвать собрание варлийцев. Поэтому приходите туда с оружием!

Но кто же принес это известие? Никто этого не знал, никто и не подумал об этом, кроме Куша. Вскоре варлий-

цы отправились в Талавид. Сону и Куша пошли вместе с ними, а Матхи осталась ждать их возвращения.

В деревне Талавид собрались сотни варлийцев. Куша попытался узнать, кто же пустил слух про собрание, но так ничего и не добился. Ровно в двенадцать ночи послышался шум мотора. К толпе подъехал автомобиль. Сону вышел вперед и спросил:

— Кто вы?

— Полиция!

Какой-то полицейский вошел в пространство, освещенное фарами, и сказал:

— Нам сообщили, что на дом господина Маника напали бандиты, мы едем туда, а вы можете проводить свое собрание, только дайте нам дорогу!

В это время раздался голос Даджи:

— Это и есть бандиты, которые напали на дом господина Маника!

— Стреляйте!

— Стреляйте! Бейте их! — крикнул еще кто-то.

Поднялся страшный шум. Полиция начала стрелять в толпу. Варлийцы пустили в ход свои луки.

Спровоцировав эту стычку, Маник убежал и спрятался. Пули градом сыпались на варлийцев, в ответ они стреляли в полицейских из луков. Скоро их колчаны опустели, они начали отступать, потом, ища спасения от пуль, побежали. Вместе с ними побежал и Даджи. Увидев бегущих варлийцев, Сону заволновался. Шальная пуля ранила его в руку, он упал, но Куша поднял его. Какая-то стрела, посланная неизвестно кем, едва не задела Сону. Куша наугад выстрелил из лука в том направлении, откуда летела стрела. Послышался звук падающего тела и крик Даджи:

— Ой! Боже! Умираю!

Стычка прекратилась. Куша повел Сону к себе. Весть об этой стычке быстро докатилась до окрестных деревень. Матхи все еще сидела у порога, ожидая отца и Сону. Наконец она увидела их. Сону был без сознания, Куша нес его на руках.

Никто точно не знал, сколько варлийцев было убито и кто именно был убит. У Куша до сих пор в ушах звучали выстрелы полицейских. Он и сам не знал, как донес Сону домой. Только когда Матхи подошла к нему, он немного успокоился.

Матхи зажгла лампу и осветила Сону. Он был весь залит кровью. Куша уложил Сону и отошел к двери, чтобы смыть с себя пыль и грязь. Рана на руке Сону кровоточила. Матхи готова была заплакать, но сдержалась. Она ничего не спрашивала о стычке. Сону лежал без сознания. Матхи холодной водой обмыла ему лицо и влила немного воды в рот. Когда она обмывала Сону рану, тот очнулся и сел на кровати. Перед глазами Сону снова встали события этой ночи. Он был очень расстроен, чувствовал большую слабость, но, увидев перед собой Матхи, забыл на время горечь поражения. Руки Матхи были в крови. Это любовь сверкала на ее руках! Нет, он — не раб, купленный за свадьбу!

«Сейчас я свободный варлиец!» — подумал Сону, а в следующий момент обнял Матхи и почувствовал себя бесконечно счастливым.

Прем Чанд

КОЛОДЕЦ ТХАКУРА

1

Отвратительный запах ударил в нос Джокху, когда он поднес кружку с водой к губам.

— Что это за вода? — сердито спросил он жену. — Ее же нельзя пить: она воняет. У меня горло пересохло от жажды, а ты поишь какой-то гадостью!

Раз в день, вечером, Ганги ходила за водой. Чаше ходить тяжело: колодец был далеко. Эту воду она принесла

вчера, и в ней не было никакого запаха. Откуда же он появился сегодня? Она понюхала воду — в самом деле, пахло падалью. Наверно, какое-нибудь животное упало в колодец и подохло там. Но где взять другую воду?

Кто разрешит ей подойти к колодцу тхакура? Даже близко не подпустят — обругают. Есть еще третий колодец, на другом конце деревни, — колодец сахо. Но и там никто не позволит набрать воды. Больше колодцев в деревне нет.

Джокху уже несколько дней болен. С трудом подавляя жажду, он лежит молча. Но вот он снова заговорил:

— Сил моих нет терпеть! Дай воды. Зажму нос и, может быть, как-нибудь и проглочу.

Воды Ганги не дала. Она понимала, что от плохой воды больному станет хуже. Однако она не знала, что испорченная вода становится безвредной от кипячения.

— Как ты будешь пить эту воду? — воскликнула Ганги. — Кто знает, какое животное сдохло там. Я принесу тебе свежей воды из колодца.

Джокху с удивлением посмотрел на нее:

— Откуда ты возьмешь свежую воду?

— Ведь есть же в деревне еще два колодца — у тхакура и сахо. Неужели там не позволят набрать хоть кружку воды?

— Ничего ты там не получишь. Добьешься только, что тебя избыют, переломают руки и ноги. Сиди уж лучше дома. Божественные брахманы проклянут тебя. Тхакур избыет палкой, а господин сахо увеличит долг в пять раз. Кто из них понимает страдания бедняков! Даже если мы будем умирать, никто не заглянет к нам, где уж тут говорить о помощи. Разве такие люди дадут воды из своего колодца?

Это была горькая правда. Что могла ответить Ганги? Но все же она не позволила ему пить вонючую воду.

2

Было девять часов вечера. Уставшие за день труженики давно уже спали. У ворот тхакура собралось несколько любителей поболтать. Не храбрость в бою была темой их разговора — времена воинской доблести давно

прошли. Разговор шел о доблестях в судебных тяжбах. Вспоминали, с каким искусством тхакур дал взятку полицейскому инспектору в одном очень щекотливом деле и вышел сухим из воды. А с какой ловкостью он достал копию с одного очень важного судейского документа!

И судебный пристав и следователь в один голос говорили, что невозможно получить копию. Один требовал пятьдесят, другой — сто рупий, а тхакур достал ее, не затратив ни пайсы. Надо уметь обделявать свои дела!

В это время к колодцу подошла Ганги.

На колодец падал тусклый свет от самодельной лампы. Ганги присела у колодца и стала ждать удобного момента.

Вся деревня пьет воду из этого колодца. Никому нет запрета. Только они, несчастные, не могут им пользоваться¹. В сердце Ганги поднялась волна возмущения против освященных традицией кастовых запрещений и ограничений.

«Почему это мы — подлые, а эти люди — благородные? — думала она. — Только потому, что они носят на шее шнурок². Ведь все же они самые настоящие мошенники. Они и крадут, и обманывают, и затевают несправедливые тяжбы. Совсем недавно этот самый тхакур украл овцу у одного бедного пастуха, зарезал ее и съел. В доме уважаемого пандита круглый год играют в азартные игры. А господин саху продает топленое масло, смешивая его с растительным. Они заставляют нас работать, а когда дело доходит до платы, то для них это хуже смерти. Чем же они выше нас? Глоткой они нас превосходят — это так! Мы не кричим на каждом перекрестке, что мы благородные...»

Послышались шаги. Кто-то шел к колодцу. Сердце Ганги тревожно забилося. Беда будет, если ее увидят здесь! Дело не обойдется несколькими пинками. Она схватила кувшин и веревку, пригнувшись, отбежала от колодца и спряталась в густой тени дерева. Разве способны эти люди пощадить кого-нибудь? Они так избили беднягу

¹ Членам низших каст запрещено пользоваться общим колодцем.

² Члены высших каст носят на шее священный шнурок.

Махангу, что он несколько месяцев харкал кровью. И только за то, что не хотел работать бесплатно.

К колодцу подошли две женщины. Набирая воду, они продолжали разговаривать:

— Хороши господа! Сами сели ужинать, а нам приказывают принести свежей воды! В доме, видите ли, нет денег, чтобы купить глиняные кувшины для воды.

— Мужчины не могут спокойно видеть нас отдыхающими. Для них это нож острый.

— Это уж точно. Нет чтобы взять кувшин и сходить за водой! Куда там! Только приказы отдают, точно мы служанки какие!

— А кто же ты в доме, как не служанка? Разве тебя не кормят, не одевают? К тому же украдешь иногда для себя несколько рупий. Чем же ты не служанка?

— Не стыди меня, сестрица. Так хочется хоть немного отдохнуть от этой жизни! Если бы я столько работала в другой семье, то жила бы куда спокойнее. Да и муж бы был благодарен мне. А у этих умрешь за работой, а благодарности не дождешься.

Набрав воды, женщины удалились. Ганги вышла из своего укрытия к колодцу. У ворот тхакура уже никого не было. Бездельники разошлись. Сам тхакур, заперев ворота, ушел вглубь двора спать. Ганги облегченно вздохнула. Теперь ничто не мешало. Вероятно, даже сказочный принц, добывая живую и мертвую воду, не действовал так обдуманно, с такой предосторожностью, как это делала Ганги. Она бесшумно взобралась на возвышение у колодца, обвязала горлышко кувшина веревкой и настороженно осмотрелась по сторонам, как солдат, забравшийся ночью во время разведки в крепость врага. Если ее сейчас поймут, не будет никакой надежды на пощаду. Она обратилась к богам с горячей молитвой, собралась с духом и опустила кувшин в колодец.

Казалось, прошла целая вечность, пока кувшин погрузился в воду. Не раздалось ни единого всплеска. Ганги потащила веревку вверх, быстро перехватывая ее руками. Вот уже показалось горлышко кувшина. Никакой силач не мог бы вытащить кувшин с такой быстротой.

Ганги нагнулась, чтобы взять кувшин и поставить его на выступ колодца, как вдруг в доме господина тхакура

открылась дверь. Даже раскрытая пасть тигра не была бы для Ганги страшнее, чем эта открытая дверь.

Веревка выскальзнула из ее рук. Кувшин с грохотом полетел в колодец. Снизу послышался всплеск воды.

— Эй, кто там? Кто там? — кричал тхакур, направляясь к колодцу.

Ганги спрыгнула на землю и бросилась бежать.

Вернувшись домой, она увидела, что Джокху жадно пьет вонючую воду.

Таджвар Самри

ЩЕНОК

Маленький нескладный щенок скулил всю ночь, и никто в доме не мог уснуть. Шикхар в ярости несколько раз порывался схватить это несчастное, грязное создание и выбросить вон, но щенок был любимцем его братишки, и ради него Шикхар сдерживался.

Щенку не было еще и месяца. Отбившись от матери, он целыми днями бродил по базару, пока наконец братиш-

ка Шикхара не нашел его и не принес домой. Дома мальчик налил молока в маленькую чашку и поставил ее перед крохотным существом.

Увидев чашку, щенок со страхом попятился назад, как будто это была не чашка, а страшная, бездонная яма.

А когда мальчик заботливо ткнул его маленькую мордочку в молоко, щенок страшно забеспокоился, втянул ноздрями воздух, и молоко попало ему прямо в нос. Чихнув несколько раз, он стал носиться по комнате.

Но на этом злоключения щенка не кончились. Все начали с ним играть, а братишка Шикхара, захлопав в ладоши, радостно воскликнул: «Какой он забавный!» Однако налитое щенку молоко все еще стояло нетронутым. Не стал он есть и мелко крошенный хлеб: понюхал его, отвел в сторону черные, как бусинки, глазки. Потом отошел, заскулил и начал искать свою мать, чтобы уткнуться мордочкой в ее мягкую шерсть.

После этого взрослые перестали обращать на щенка внимание.

Вдруг щенок завыл необыкновенно жалобно и протяжно. Все обернулись к нему.

На улице шел сильный дождь, но в комнате горел очаг, было тепло и пахло дымом. Шикхар сидел у окна и обдумывал тему своего нового рассказа.

Вой щенка, присоединяясь к обычному домашнему шуму — громким крикам игравших в соседней комнате детей, — мешал ему сосредоточиться. Рядом, в соседней комнате, братишка Шикхара с приятелями играл в войну. Шикхар часто любовался веселыми, шумными играми детей издали. Эти же игры, происходившие рядом, раздражали его и вызывали головную боль. Вой щенка, перекрывая все другие звуки, тяжелым молотом отдавался в его мозг. Скуливший крохотный щенок в эту минуту казался Шикхару огромным быком, который в ярости топчет молодые побеги и цветы.

Шикхар потерял всякое терпение.

Резким движением он отбросил лежавшие у него на коленях бумаги и сказал, обращаясь к матери, хлопотавшей у очага:

— Принесла же нелегкая этого пса! Ведь раньше шума было гораздо меньше.

Положив последнюю лепешку на сковородку, мать неторопливо ответила:

— А кто притащил его? Твой братец. Я еще вчера говорила, чтобы его отнесли обратно. Мы же не сможем его выходить. Да разве этот упрямец послушается!

Так, взвалив всю вину на младшего сына, она оправдалась перед старшим.

— Еще не то будет, — стараясь сохранить спокойствие, проговорил Шикхар. — Если он останется у нас — мне вовсе негде будет работать. Этого я не могу допустить.

Выразив свое раздражение и тревогу, Шикхар взглянул на щенка, который все время продолжал скулить. В эту минуту он показался Шикхару отвратительным и жалким.

Продолжая рассматривать щенка, Шикхар сказал уже более спокойно:

— Ни вида, ни породы... Не понимаю, почему детям так нравятся эти глупые животные.

В это время, проводив своих приятелей, в комнату вошел младший брат.

— За что нам такое несчастье? — сказала мать, намекая на щенка. — Ведь от него страдает весь дом!

А щенок скулил все громче и громче. Его маленькое, пепельного цвета тельце беспрерывно дрожало, и мальчик тоже почувствовал что-то похожее на отвращение к жалкой собачонке.

— Когда я его брал, я думал, что он породистый, — сердито оправдывался братишка, — а оказалось, что это простая дворняжка. У него двадцать когтей, и он не визжит, когда его схватишь за уши. А теперь этот несчастный скулит, и даже я не могу его унять.

Он с опаской взглянул на брата. Гнев Шикхара принял в этот момент чудовищные размеры.

— Почему же ты до сих пор его еще не выбросил? Ведь он мне так мешает!

— Да перестань ты наконец! — робко вмешалась в разговор мать. — Смотри: на улице все время идет дождь. Бедняга там погибнет.

— Подохнет? Ну и что! Не собирать же нам всех бездомных собак, — сказал Шикхар и, обращаясь к братиш-

ке, прибавил: — Если ты сейчас же не выбросишь его, то это сделаю я сам.

Сказав это, он встал, схватил щенка и быстро вышел с ним из дому. Братишка и мать молчали.

Дождь лил как из ведра. Мостовая была совершенно мокрая.

По уличной канаве, громко kloкоча, быстро неслись потоки воды.

Выйдя в переулок, Шикхар опустил щенка на мокрую мостовую и, повернувшись, быстро пошел обратно. Теперь он был спокоен.

Очутившись под проливным дождем, щенок громко завизжал. Шикхар невольно обернулся и увидел, как щенок, жалкий и дрожащий, безуспешно старался взобраться на лестницу. Его маленькие лапки соскальзывали с мокрых ступеней, он падал на землю, но тут же опять начинал карабкаться.

Шикхар вздрогнул, словно его кольнули иглой в сердце: он понял, что от него зависит судьба живого существа. Резко обернувшись, он увидел, что щенок, маленький и беспомощный, стал передними лапами на нижнюю ступеньку лестницы и глядит на него своими глазками, полными печали.

Точно какая-то сила подхватила Шикхара. Он быстро подошел к щенку, поднял его с мокрой земли и, достав платок, тщательно вытер им маленькое дрожащее тельце. Щенок стал лизать его мокрые руки, быстро завиялял куцым хвостиком, ласково ткнулся мордочкой ему подмышку.

Спрятав щенка на груди, Шикхар быстро возвратился домой. Первым делом он подставил щенку оставшееся с вечера молоко в чашке.

Щенок посмотрел на Шикхара, осторожно лизнул молоко своим маленьким красным язычком и начал быстро-быстро лакать его.

Он пил и все время вилял хвостиком, а Шикхар в это время ласково поглаживал его маленькое серое тельце.

Наблюдавшая эту сцену мать сказала с оттенком доброй насмешки:

— Смотри, он принес его обратно.

— У меня просто не хватило мужества оставить его под дождем, — сказал Шикхар, как бы оправдываясь.

Братишка, хитро улыбаясь, внимательно посмотрел на него.

И тут Шикхар, окончательно освобождаясь от чувства раскаяния и стыда, взял щенка в руки и, ласково прижав его к груди, проговорил:

— Чудесное, просто чудесное существо!

Упендранатх Ашк

МАСЛОДЕЛ ИЗ КАКРАН

— Две с половиной рупии?!

Маулу смерил взглядом извозчика, покачал головой и перевел взгляд на жену с таким видом, словно хотел сказать, что несчастный рехнулся.

Было не больше восьми, но день уже тянулся, томительно трудный, как дорога в гору. От зноя захватывало дыхание. Казалось, солнце висит прямо над головой.

Легкая завеса пыли поднималась со всех сторон, однако лучи пронизывали ее, как раскаленные иглы, и нестерпимо жгли тело везде, где оно не было защищено одеждой.

— Две с половиной рупии!.. — повторил Маулу и с возмущением поправил свой большой тюрбан.

Накануне жена выстирала этот тюрбан, накрахмалила его в отваре риса, а дочери сушили, растянув за концы и кружась с ним по двору. Всю ночь он пролежал, аккуратно сложенный, чтобы теперь украшать хозяина, но негодующие движения головы сбивали его набок. Маулу погладил седую бороду, чуть желтоватую около губ, расправил складки тахмада, закинул узел через левое плечо и снова тронулся в путь.

Жена его, Бибан, шла рядом.

— Две с половиной рупии! — откликнулась она, посмотрев на пыль, поднятую повозкой. — Да на эти деньги можно две недели кормиться... Или справить две рубашки Фадже... А сколько курточек моему маленькому Чирагу! — Она нежно поцеловала чумазого малыша, сидевшего у нее на руках.

Казалось, вся пыль, поднимаемая ногами путников, оседала на тахмаде Маулу. И его также Бибан выстирала только вчера одновременно с тюрбаном и рубашкой, да подсинила еще при этом, но, видно, перестаралась — на ослепительно белом тахмаде кое-где синели подтеки и пятна. Чем больше садилось пыли, тем сильнее выделялись пятна. Маулу старательно отряхивал свой тахмад.

— За последние годы извозчики совсем испортили дорогу, перемололи землю в муку! — проворчал он и велел всем сопровождавшим его домочадцам — жене с ребенком на руках, двум девочкам и мальчику лет семи — сойти с дороги на обочину.

Пройдя так три-четыре мили, путники подошли к Бхиловалю. Здесь по дороге вдобавок к повозкам то и дело проносились грузовики. Кроме того, в самом местечке пришлось столкнуться с целым стадом коз и овец, только что выпущенных из своих загонів. Это был молодняк, еще не знавший подойника. Веселые, резвые животные, очутившись на свободе, блеяли, прыгали, бодали друг друга и всячески радовались жизни. Вот когда Маулу познал на-

стоящую пытку! В облаке пыли невозможно было даже разглядеть плетущихся сзади детей.

Но наконец блеяние коз и овец, крепкая ругань пастухов стали удаляться, пыль немного улеглась. Маулу перешел дорогу и остановился среди пшеничного жнивья. Здесь он положил на землю узел, тщательно отряхнул тахмад, рубашку и тюрбан, вытер лицо изнанкой рубашки, вновь повязал тюрбан, после чего наконец крикнул жене и детям, чтобы они шли к нему. Пыль висела в воздухе. Там, где двигалось стадо, она колыхалась над ним, словно огромный полог. Посмотрев в ту сторону, Маулу обругал в душе пастухов: «Невежи! Не видят, что ли, что по дороге идут благородные люди? Хоть бы предупредили — поосторонись, мол, братец... Пылят, словно войско в походе, ублюдки!» Он степенно подкрутил усы и погладил бороду.

Кого подразумевал Маулу под словом «благородные», он и сам, пожалуй, не мог бы объяснить. Он был маслодел. На краю деревни Какран, где, завладев половиной пруда, разросся огромный баньян, стоял маленький давяльный пресс Маулу. Здесь же, на берегу пруда, была деревенская свалка. Когда приходили дожди, вода в пруду выступала из берегов, дороги кругом становились непроходимыми, ноги вязли по колено в грязи, и зловоние мусорных куч словно застывало во влажной тени баньяна. Пятьдесят лет своей жизни Маулу провел именно здесь, в этой деревне, занятый своим ремеслом. Что творилось в двадцати милях отсюда, он не знал, да и не мог знать.

Вероятно, не больше трех-четырех раз в жизни ему приходилось надевать на себя новую одежду. Конечно, каждый год по праздникам он менял платье, но что значила эта перемена? Вместо того чтобы ходить, как накануне, голым, он надевал в тот день рубашку — Бибан успевала отчистить ее, купив на полпайсы обезжиривающего мыла, иначе он всю жизнь щеголял бы в пропитанной маслом одежде. Да и что такое вообще одежда Маулу? Большую часть жизни он носил один бессменный тахмад и привык к его дырам, грязи и поту, как к зловонию мусорных куч на берегу пруда, — он их не замечал.

Когда выделка масла переставала приносить хоть мало-мальский доход, Маулу ставил рядом с давяльным прессом гончарный круг, на котором выделывал горшки, мис-

ки, кувшины. К какой же касте он принадлежал — горшочников или маслоделов — этого Маулу и сам не знал. Он видел, как его дед, а потом и отец занимались этими ремеслами, и, с тех пор как себя помнит, занимался ими и он. Если его руки не были в масле, они были в глине.

В свое время он учился. Кроме нескольких стихов святого корана, которые он очень старательно выучил в искаженном произношении, он усвоил все ругательства, какие слышал от деда, затем от отца, затем от старшего брата. Впрочем, обругав пастухов невежами и неучами, Маулу поступил так совсем не потому, что таков был воздух, которым он дышал с детства, и не оттого, что сегодня была особенная жара, а пастухи к тому же заставили задохнуться в непроглядной пыли. Нет, если он, полуголый и оборванный, считал все же пастухов невежами и грубиянами, то на это были особые причины. Во-первых, он шел, чтобы присутствовать на свадьбе сына своего младшего брата, который жил в Лахоре и, значит, был уже не деревенщиной, а горожанином. Во-вторых, для жителей деревни всякий горожанин является несомненно благородным человеком, а поскольку Маулу шел на свадьбу сына благородного человека, то и на него самого, очевидно, распространялась печать благородства. Наконец, он был в чистой одежде, а ведь благородство — понятие относительное. Благороден тот, кто кажется благородным. И когда он, Маулу, проживающий в Какране, идет так вот празднично одетый по этой дороге, — что ж, он кажется достаточно благородным и почтенным человеком.

Около Вайроке путники вышли к извивавшемуся, словно змея, ручейку. Маулу перешел его, принял на руки сынишку и помог переправиться жене. Рахман перепрыгнула ручей самостоятельно и помогла Фадже. Но тут оказалось, что в туфле Лахран выскочил гвоздь и на пятке правой ноги образовалась ранка. Лахран попробовала идти босиком, но земля была горяча, как раскаленное железо, и девочка едва ковыляла, раскорячив ноги, утирая козынькой струящийся по шее пот и далеко отставая от родителей.

— Чего ты там сзади плетешься? — крикнул Маулу. — Ногу сломала, что ли?

И, позабыв на минуту о благородстве, он оживил свою речь крепким словцом.

— Не могу-у-у идти-и-и... — отвечала Лахран хныча. Маулу подошел к дереву и положил на землю узел.

— Давай сюда, сейчас я уберу этот гвоздь, — сказал он. — Нам еще идти не меньше десяти-двенадцати миль.

Обмахивая лицо подолом, Бибан села подле мужа на травку в тень и дала грудь маленькому. Рахман умылась у ручья и мокрой рукой освежила лицо Фаджи. Только теперь Лахран наконец доплелась до ручья, бросила на другой берег туфлю, перепрыгнула и, прихрамывая, подошла к отцу.

Маулу осмотрел гвоздь. Его тоненькое острие, вонзившись в пятаку Лахран, очистилось от ржавчины. Выставив головку, оно блистало теперь, словно юный бунтарь.

Маулу разыскал камешек, несколькими ударами притупил гвоздь и загнал его в середину каблука. Затем он плеснул себе на лицо воды и, вытершись обратной стороной тахмада, подсел к жене. Надо было отдохнуть.

— Вайрокэ-то ведь рядом, — сказал он, — за этим манговым садом. Оттуда, слышал я, до Атари десять миль. К третьей страже, или, как говорят, часам к шести вечера, доберемся и до Лахора.

Вспомнив об извозчике, он рассмеялся:

— Две с половиной рупии запросил негодяй! А мы вот уже прошли незаметно шесть миль.

— Две с половиной рупий! — подхватила жена. — Словно у нас кладовая рупий! Дойдем до дома Хасана Хана — так что ж, разве же нам не придется раздать его детям по гостинцу?

Этого Хасана Хана первые тридцать пять лет его жизни звали в деревне попросту Хассу. Но теперь он сделался своим человеком у лахорского подрядчика Ишвара Сингха, стал его подручным. Когда рыли канал в Лопокэ, то, бог знает какими судьбами, Маулу и до сих пор не может этого понять, Хассу попал в число рабочих Ишвара Сингха. Первое время он получал шесть ан в день, но затем довольный его работой хозяин сделал его десятником и положил ему жалование пять рупий в месяц, потом целых восемь рупий, а когда канал был окончен и Ишвар Сингх уехал в Лахор, он взял его с собой доверенным подручным. С этого-то дня Хассу и стал Хасаном Ханом. Когда он однажды появился на деревенской улице в простор-

ных шальварах, рубашке и тюрбане, султан которого колыхался словно яркий цветок, Маулу разинул рот от удивления. Он не мог себе представить, как ни ломал голову, каким это образом брат его достиг такого успеха, откуда у него такое умение.

Размышляя обо всем этом в тени джамуна, Маулу развязал уголок тахмада и достал все свои деньги. Большая часть монет была испачкана глиной и маслом. Хотя Маулу, вырыв деньги из земли, хорошенько вымыл их, прежде чем завязать в подол, все же в том месте, где были деньги, тахмад почернел. Дома он их пересчитал, но сейчас, оттянув насколько было возможно край одежды, стал снова пересчитывать на нем свою казну, даром что добавилось лишь несколько пайс.

Всего было четыре рупии и несколько ан. Эти деньги он с большим трудом копил по пайсе в течение целого года, точнее говоря — в течение двух лет, потому что с тех пор, как сыну Хассу стукнуло восемь лет, он помнил, что скоро будет его свадьба. Волей-неволей приходилось кое-что откладывать — ведь свадьба-то будет в Лахоре, придется ехать туда, а с пустыми руками не приедешь. Больше двух лет дети Маулу радовались предстоящему событию, обсуждали, чем их угостят на свадьбе, и мечтали о подарках, какие они там получают.

В прошлом году Маулу смог скопить только две рупии, в нынешнем — две рупии и несколько ан. Между тем эти два года он усердно трудился. Он достал немало горчичного семени и продал немало горчичного масла в соседние деревни.

Забываясь об увеличении своих доходов, Маулу не стеснялся подбавлять в горчичное масло рапсового, а когда покупатели жаловались, что масло слишком липнет к волосам, он гордо отвечал, что нечего, мол, напраслину возводить на чистое масло! Ведь если смажешь голову нечистым маслом, то его и вовсе не заметно в волосах.

Во время жатвы Маулу помогал собирать урожай, торговал горшками и кувшинами на ярмарках при монастырях Пир Дауле Шах и Карим Шах. И все же он смог скопить лишь столько, сколько скопил. А ведь он не был мотом — он ничего не видел, кроме сухой пищи без приправы. Правда, он давно готовился к этой свадьбе и

по этому случаю справил по груботканной рубашке и панталонам из цветистой тонкой материи жене и дочкам; купил тахмад себе и Фадже и вдобавок ко всему этому — тюрбан, тоже себе. Однако все это было приобретено в долг у Бхило Шаха, под залог того, что все масло, которое он, Маулу, добудет в будущем году, он обязуется доставить в лавку Бхило Шаха.

Сидя под тенью джамуна, Маулу рассчитывал вслух:

— Если мы от Атари поедem в автобусе, то придется платить за каждого по четыре аны. Таким образом, за четыре с половиной билета придется заплатить...

— Почему за четыре с половиной билета? — прервала его Бибан. — Да разве для Фаджи нужно брать билет? Ведь он еще ребенок. Ты возьмешь его на колени, и никаких разговоров быть не может.

— Эти шоферы — сущие дьяволы, — возразил Маулу. — Что ты сделаешь, если шофер потребует? Я слышал, что на ребенка старше трех лет полагается брать билет, как на взрослого.

— Ну, полагается! — проворчала жена. — А ты такой, что если с тебя и не спросят, то все равно отдашь.

— Ладно!.. Одна рупия на билеты. Затем расходы в городе. У Хасана Хана все будет роскошно — не поплетемся же мы к его дому пешком. Что скажут соседи? «Вот, — скажут они, — пришли родственники-объедалы, не могли взять коляску!» Придется истратить еще три-четыре аны на коляску.

Бибан согласилась с этим. В течение нескольких месяцев она рассказывала детям о гостинцах, которые их ждут в доме дяди. Поэтому она добавила:

— Надо будет еще купить сластей для детей Хассу на одну рупию. Ребятишек ждет там такое угощение — как же мы можем прийти к нему с пустыми руками?

— Хорошо, — сказал Маулу. — На обратный путь мы израсходуем рупию с четвертью. А останется у нас после этого всего двенадцать ан и одна рупия.

Лахран тут же встрепелась:

— У меня в туфле дыра! Мои туфли совсем износились, купи мне новые!

— А у меня шаль порвалась, — сказала Рахман. — Как же я появлюсь в этой рваной шали перед дочкой дяди?

Не отстал от других и Фаджа — схватив подол отцовской рубашки, он заявил:

— Папа, купи мне ботинки.

— Замолчите! — прикрикнула Бибан. — Ведь нам придется прожить там, в городе, дней семь-восемь. Что же, вы хотите, чтоб мы совсем без гроша остались? К тому же дорога длинная, нужно будет еще купить шербет.

Эти слова послужили сигналом. Взвалив на плечо узел, первым поднялся и тронулся в путь Маулу. Попрже-нему рядом с ним шла Бибан, а следом плелись дети.

У поворота на Лопокэ вновь показалась тонга. Тут выяснилось, что в туфле Лахран снова вылез гвоздь. Как в истерзанных сердцах любая тупая шутка вызывает новую рану и боль, так этот тупой, загнутый крючком гвоздь вонзался и бередил раненую пятку Лахран. Девочка прихрамывала и все больше отставала.

А тут Фаджа начал причитать, чтобы его взяли на руки, а тут грудной младенец на руках у Бибан закатился в плаче от палящего зноя... Маулу будто бы беспечно взглянул на извозчика и, отшвырнув ногой попутный камешек, спросил:

— Сколько возьмешь, братец?

— Куда везти? — спросил извозчик, подхлестнув лошадь.

— Атари.

— По пяти ан.

— По пяти ан?!

— А сколько дашь?

Но Маулу ничего не ответил. Он подтянул тахмад, отер пот с лица концом тюрбана и, поразмяв затекшую под тяжестью узла шею, пошел дальше.

— Папа, возьми извозчика!.. — заныли Лахран и Фаджа.

Выругавшись, Маулу заставил их замолчать. Бибан пробовала успокоить младенца, укачивая его и болтая языком меж округленных губ: «О-ло-ло»... Но когда не помогло и это, она снова сунула ребенку грудь.

Они продолжали путь по дороге, которая, собственно, не заслуживала своего названия. Широкая, немощеная, она текла среди бесплодной земли, сливаясь с нею. Несколько унылых деревьев, дуплистых и истлевших от многолетней засухи, стояло по сторонам как напомина-

ние о том, что когда-то здесь действительно проходила дорога. Сейчас деревья не только не украшали ее, но увеличивали безобразие. Сучья их не годились на растопку, листья не ели даже козы, в ветвях не хотела гнездиться и самая никчемная птица — байя. Кое-где склоняли длинные ветви акации, но если бы какой-нибудь путник вздумал укрыться в их тени, его тюрбан остался бы висеть на шипах, а лицо оказалось бы исцарапанным в кровь.

В дорожной пыли нельзя было найти ни одного камешка или хоть малого обломка кирпича. Поэтому, несмотря на все попытки загнать гвоздь в туфле Лахран внутрь, он вновь и вновь вылезал. Ранка на пятке все больше болела, с каждым мгновением идти было труднее. Наконец измученная Лахран взяла туфли в руки. Теперь каждый раз, когда босые ноги ее по щиколотку погружались в раскаленную, словно печная зола, пыль, по телу пробегала горячая волна боли, но это было все же легче, чем невыносимая пытка от вонзавшегося гвоздя.

А Маулу все шел да шел — впереди всех, несмотря на свои годы. По правде сказать, если бы он знал, что эта дорога так плоха и лишена тени, он никогда бы сюда не сунулся, особенно с детьми. Иногда он отвозил масло в ближайшие деревни, да еще горшки и кувшины — в Бхиловаль и Вайрокэ, но никогда не заглядывал дальше. Его мир ограничивался густой тенью огромного баньяна, где даже знойные ветры веяли прохладой. Когда он, прознося перевранные стихи корана, с обнаженной головой молился богу, то сам бог представлялся ему в виде этого ветвистого великана, скрывающего в своей листве бесчисленное количество птичьих гнезд. И вот Маулу очутился в незнакомой огненной пустыне — кругом ни травинки, только раскаленная стрела бесконечной жгучей дороги... Если бы он это знал, он ни за что бы не взял детей, ни за что!

Маулу тотчас же прогонял эти невольно набегавшие мысли и, торжественно выпятив грудь, все шел да шел вперед. Зной проникал в его тело, обжигал каждый нерв. Порой велосипедист или заблудившийся прохожий обгоняли его, обдавая пылью, иногда налетал мгновенный палящий вихрь, обрушивая на него душное облако дорожного праха. Беловато-синий тахмад Маулу стал пепельно-серым — он давно перестал его отряхивать. Тюрбан утра-

тил весь свой утренний блеск. Вместо того чтобы вытирать пот с лица и шеи изнанкой одежды, Маулу пускал в ход лицевую сторону — его уже перестал заботить собственный внешний вид.

На некотором расстоянии за ним следовала Бибан, прилагая все усилия, чтобы укачать плачущего младенца. Дальше шла Рахман. Вероятно, мысли о соседе-пастухе Нуре помогали ей переносить палящий зной — в этом ливне огня ей грезились сны. Держась за ее палец, рядом сменял Фаджа. Он то и дело вытирал грязными руками пот с лица, щеки его были в пятнах от размазанной пыли. Порой Рахман брала его на руки, но скоро, устав, опускала на землю. Фаджа шел все медленнее и медленнее. Последней плелась охромевшая Лахран, то снимая, то вновь надевая злополучные туфли.

Дорогу пересек канал. Перейдя через мостик, Маулу увидел справа густое, развесистое дерево — баньян-мать. Ствол его не был высок, но ветви раскинулись по сторонам, как гигантский зонт. На одной из них сидели два неподвижных, высокомерных павлина. Их длинные блестящие хвосты свисали до самой земли, слегка касаясь ее. А вдали какой-то джат, сидя верхом на ослице, вращающей колодезное колесо, весело распевал «Хир Варис Шах». Его мелодичный, высокий голос беспечно разливался в этом пустынном, безлюдном, неподвижном полдне.

Придя ко мне, золовка сказала: «О невестка!
В дом наш пришел новый йог.
В ушах его блещут чудесные серьги,
На шее стройной горит амулет».

В памяти Маулу, словно рассказ о какой-то далекой стране прошлого, вдруг возникли дни его ранней юности, когда он, забравшись на баньян или прислонившись к стволу мангового дерева, стоял и сам распевал «Хир Варис Шах». И ему так захотелось вдруг затянуть во все горло:

Он ходит из дома в дом.
Я слыхала, он потерял рубин.
Обликом он похож на принца,
Лицом, о Хир, он похож на тебя!..

Но Маулу тотчас спохватился. Где уж тут — борода его длинна, внешность почтенна, за ним идут жена и де-

ти... Слова застряли в горле, напев остался в сердце. Маулу только испустил долгий, от души идущий вздох.

В это время Фаджа, плача, проговорил пересохшим от жажды голосом:

— Папа, хочу пить! Папа, возьми меня на руки!

Маулу оглянулся. Первой бросилась ему в глаза бедняга Лахран, усевшаяся на корневище паранха.

— Умерла ты, что ли?! — крикнул он и выругался.

Лахран встала и, прихрамывая, пошла вперед. Тогда Маулу погрозил пальцем сыну.

— Потерпи, — сказал он, — вон уже виден Чогаван. Там поьем ласси-пани.

Кое-как доплелись они до Чогавана. Еще больше, чем мечта о ласси-пани, детей поддерживала мысль, что здесь-то отец обязательно наймет коляску. Все поели хлеба с растительным маслом и оладий из гороховой муки, купленных в лавочке, запили водой и передохнули. Однако когда Маулу приказал двигаться дальше, дети, конечно, не посмели послушаться его, но идти не могли. Несколько раз останавливались они на пути от Чогавана до Ваникэ. Их ругали, награждали колотушками, но это плохо помогало. Они плелись, как больная, заморенная лошадь.

У поворота на Ваникэ они остановились, совершенно выбившись из сил. Никакие колотушки уже не действовали на Фаджу. Сколько ни ругали Лахран, она сидела не двигаясь и только утирала слезы.

Вообще-то говоря, Маулу был не против того, чтобы взять извозчика. Когда они встречались, он каждый раз приценился, сколько будет стоить проезд. Но теперь он надеялся как-нибудь добраться пешком. Маулу знал, что они пересекли море пыли в пути от Лопокэ до Чогавана, что впереди дорога мощеная и обсаженная деревьями, а спроси извозчика, так он, глядишь, заломит только на ану меньше. Поэтому Маулу упрямо продолжал свой путь.

Но вот и Фаджа, несмотря на колотушки, уселся, плача и не двигаясь с места. Передав младенца Рахман, Бибан взяла на руки Фаджу, приласкала его и мягко упрекнула мужа:

— Смотри, ты его бьешь, а он в жару, у него тело как печка.

Всмотревшись в лихорадочно воспаленное лицо сына, Маулу почувствовал, что сердце его дрогнуло и растаяло от жалости. Он тут же остановил проезжавшего извозчика вопросом, сколько тот возьмет до Атари.

— По четыре аны.

— По четыре аны! Да ведь столько просили от Чогавана!

— А сколько дашь?

— Получи по ане с человека. Мы и так уже прошли мили три.

Повозка извозчика была переполнена, поэтому он не особенно нуждался в новых седоках.

— Ну и ступайте таким же манером дальше, — сказал он, взмахнув кнутом.

— Возьми по шесть пайс!

— Чтоб твоя мать подохла!

С этим пожеланием извозчик стегнул лошадей, и повозка покатила дальше.

— Две аны!.. Две с половиной аны!.. — крикнул во всю глотку Маулу.

Повозка остановилась. Как сказано, пассажиров было полно, но, согласно пословице «С паршивой овцы хоть шерсти клок», извозчик не считал возможным упустить лишние десять — двенадцать ан.

Приняв маленького Чирага от Рахман, Бибан словно про себя сказала:

— И этот весь в огне... Помоги аллах!

Она направилась к повозке. Места там оставалось только для двоих, а требовалось не меньше четырех. Все оказались в невыносимой тесноте и тем не менее облегченно вздохнули, дав отдых ногам.

Когда во мгновение ока — так во всяком случае показалось Маулу — добрались до Атари, извозчик сказал:

— Если вы думаете продолжать путь на машине, то слезайте. Здесь легко сесть.

Сердце Маулу дрогнуло.

— Разве здесь остановка? — спросил он.

— Остановка дальше, но здесь легко сесть, я вам говорю. На остановке же придется долго ждать, там очень много народу, а сейчас транспортная полиция свирепствует.

— Транспортная полиция? Подумаешь, беда. Знаю я все эти басни!

Конечно, Маулу ничего не знал, но с этими словами он сурово посмотрел на извозчика, желая убедить его, что прекрасно во всем разбирается. Впрочем, когда два се-дока слезли, а другие подтвердили, что, если хочешь быстро попасть в машину, нужно слезать именно здесь, он сошел. Однако едва его нога коснулась земли, он тут же заворчал:

— Ведь ты же взял с нас двенадцать ан за проезд до самой остановки!

На что извозчик беспечно ответил:

— Дело твое. Хочешь — поезжай до остановки.

У Маулу было сильное искушение выволочь этого негодяя из повозки и трахнуть его о землю.

— Ты бандит! — закричал он.

— Придержи язык, любезный! — сказал извозчик, замахиваясь кнутом то ли на лошадей, то ли на Маулу.

Тут сочла нужным вмешаться Бибан.

— Не сердись, братец, — сказала она, становясь между мужчинами. — Мы не ворует деньги. Ты посмотри, что за человек перед тобой!

Маулу хотел было как следует выругаться, но при этих словах подавил гнев, отсчитал на ладони извозчика свои грязные сорок восемь пайс и с мученическим видом стал снимать с повозки детей.

— Двенадцать ан отдали! — словно сама с собой, говорила Бибан, глядя вслед удалявшейся повозке. — Как теперь будем дальше?..

Видимо, Маулу собирался на нее прикрикнуть, но взгляд его упал на маленького сына. Пылавшее от лихорадки измазанное личико малыша стало еще более черным. Маулу приложил руку к его лбу, снял курточку, посмотрел на живот.

— Он весь в огне, — сказал Маулу.

Отстранив жену и детей от идущей машины, он привел их под тень дерева на обочине дороги.

— Эй, Маулу, как ты сюда попал? — услышал он удивленный голос человека, усевшегося под тем же деревом.

Это был его односельчанин и приятель.

— Э, братец, иду в Лахор на свадьбу племянника, сы-

на Хасана, — сказал Маулу упавшим голосом. — Да вот в дороге детей измучила лихорадка. Не взял я извозчика, поспешил и жалею об этом, но ведь теперь-то, пожалуй, трех-четырех ан будет довольно.

Прияель рассмеялся:

— Трех-четырех ан! Ты, вероятно, никогда не бывал в Лахоре. Меньше чем за рупию ты извозчика не найдешь.

Маулу растерянно посмотрел на жену. Ведь надо еще купить на одну рупию гостинцев детям Хасана и оставить кое-что на обратную дорогу. Глаза Бибан словно отвечали напоминанием, что пройдоха-извозчик ограбил на двенадцать ан.

— Откуда ты, дорогой, идешь? — спросил Маулу.

— Возил мешки Бхило Шаха на станцию.

— А теперь идешь обратно?

— Иду обратно, да вот решил немного здесь сам передохнуть и дать вздохнуть волам.

Он махнул рукой в сторону стоявшей неподалеку упряжки волов в порожней телеге. Тут Маулу снова переглянулся с Бибан и сказал:

— Вот что, друг... Детей извела лихорадка. Хассу, правда, усердно приглашал и много раз писал: приезжай, мол, с семьей. Но пока мы сюда добрались, видишь, дети заболели. Лахран поранила ногу, а у Фаджи и Чирага тело как в огне. Вот я и боюсь, как бы им не повредить еще больше. Там свадьба, еды и питья будет вволю, но там не найдешь кое-каких снадобий, которые у нас есть дома. Доктор...

— Доктора хорошо лечат, — сказал прияель.

— Э, друг, да разве к ним попадешь! — И, еще раз взглянув на жену, Маулу добавил: — Сделай милость, друг, возьми их всех с собой! А мне нужно идти — завтра поедет свадебный поезд.

Не дожидаясь ответа, он рассадил жену и детей на возу. Уселся и прияель-возчик.

— По дороге в Бхиловале зайти к врачу Ниранджан-даса и возьми у него лекарство, — говорил Маулу жене, идя позади воза.

Вдали показался встречный грузовик. Маулу приласкал детей. Фаджу он поцеловал в горящий лобик.

— Я куплю тебе сапоги, — сказал он.

Погладил по голове Лахран:

— Тебе куплю ботинки!

Рахман он пригрозил:

— Смотри за детьми и не спорь с матерью!

Затем, подхватив ловчее узел, он побежал, встал посреди дороги и поднял руку, чтобы остановить идущий грузовик.

Прем Чанд

ОТСТУПНИК

1

Сегодня, отбыв тюремное наказание, Адитья должен был вернуться домой. Еще за день до возвращения мужа Каруна побелила стены и прибрала все в доме. Несколько десятков рупий, которые она накопила за три года, отказывая себе в самом необходимом, Каруна потратила на то, чтобы достойно встретить своего мужа. Для него она приготовила новую пару дхоти, сшила новые рубашки, а сыну сделала новую куртку и шапку. В радост-

ном возбуждении она то и дело принималась обнимать сына. Если бы этот ребенок не появился на свет и, подобно солнцу, не осветил ее мрачную жизнь, Каруна, возможно, не перенесла бы ударов судьбы. Мальчик родился через три месяца после того, как мужа приговорили к тюремному заключению. Присутствие сына помогло Каруне перенести эти три года разлуки. Она думала: «Как он обрадуется, когда я покажу ему сына! Когда он увидит его, то сначала очень удивится, потом возьмет его на руки, прижмет к груди и скажет: «Каруна, ты осчастливила меня, подарив такое сокровище!» Все муки тюремного заключения будут забыты, когда он услышит лепет ребенка. Невинный, светлый, прекрасный взор сына уничтожит все страдания». Наслаждаясь этой мечтой, Каруна была вне себя от радости. Она думала: «С Адитьей придет много людей, и, когда он появится в дверях, небо содрогнется от приветственных криков. Какое это будет замечательное зрелище!» Для тех, кто должен был прийти с мужем, Каруна постелила старенький коврик, приготовила скромное угощение и теперь в ожидании то и дело поглядывала на дверь. Снова перед ее глазами вставал мужественный, благородный, полный воодушевления облик мужа, и снова она вспоминала слова, которые он произнес, когда его уводили. Его самообладание, сила духа, не сломленная даже ударами полицейских дубинок, его спокойная улыбка — разве могло все это когда-нибудь изгладиться из сердца Каруны?

При воспоминаниях о муже на ее поблекшем лице появлялось выражение гордости. Именно эти воспоминания служили для нее поддержкой в самые ужасные годы. Сколько раз они с сыном ложились спать голодными! Часто в доме не на что было купить масла для светильника. Но никогда Каруна не проливала слез отчаяния. Сегодня наступит конец всем ее страданиям. Возвращение мужа — огромное счастье, и когда он будет с ней, ей нечего будет больше желать.

Совершивший длительное путешествие небесный путник, торопясь, устремился на отдых, где вечер уже устроил ему золотое ложе и разбросал гирлянды блестящих цветов. В это время Каруна увидела мужчину, который шел, опираясь на палку, точно воплощение страданий дряхлого человека. На каждом шагу он останавливался и неудер-

жимо кашлял. Его голова была опущена, и Каруна не могла видеть лица. Незнакомец показался ей стариком. Но когда он подошел ближе, Каруна узнала его. Это был ее любимый муж. Но горе! Как он изменился! Молодость, сила, живость, стройность — все исчезло. Перед ней был скелет, обтянутый кожей. С мужем никого не было: ни друзей, ни товарищей, ни помощников.

Как только Каруна узнала его, она выбежала на улицу, хотела броситься в его объятия, но, подавив это желание, застыла на месте. Все ее надежды рухнули. Вся радость растворилась, уплыла в потоке слез.

Войдя в дом, Адитья с улыбкой взглянул на Каруну. Но в этой улыбке отражался целый океан страданий. Каруна почувствовала такую слабость, словно ее сердце перестало биться. Неподвижно стояла она и потухшим взором не отрываясь смотрела на мужа, будто боялась верить своим глазам. С ее губ не сорвалось ни стона, ни слова приветствия. Ребенок, сидевший у нее на руках, тоже смотрел испуганными глазами на этот скелет и жался к матери.

Наконец Каруна испуганным голосом спросила:

— Что с тобой? Тебя совершенно нельзя узнать!

— Ничего, ослаб немного. От твоих обедов снова поправляюсь, — ответил Адитья, пытаясь улыбнуться.

— Фу! — продолжала Каруна. — Высох-то как! Стал как спица. Неужели тебя там даже не кормили? Ты же сам говорил, что с политическими заключенными обращаются хорошо. А что же твои товарищи, которые день и ночь окружали тебя и были готовы пролить свою кровь ради тебя?

Адитья нахмурил брови. Печально ответил:

— Это очень горькое испытание, Каруна. Я не думал, что как только буду брошен в тюрьму, люди отвернутся от меня и никто даже не поинтересуется моим положением. Такова, видно, награда жертвующим своей жизнью во имя народа. Я знал, что люди быстро забывают тех, кто им служит. Но о вероломстве товарищей и соратников я узнал на собственном опыте. Я ни на кого не жалуюсь. В самом служении народу заключена награда. Я ошибался, мечтая получить за это славу и почет.

— Неужели тебя там даже не кормили?

— Лучше не спрашивай, Каруна, — ответил Ади-

тя. — Это печальная история. Хватит об этом. И то за счастье считай, что вернулся живой. Значит, на роду у меня написано еще раз тебя увидеть. Если бы не это, давно следовало бы отправиться на тот свет — столько мучений пришлось перенести! Я прилягу немного. Не могу стоять: прошел большое расстояние.

— Сначала поешь хоть немного, потом спокойно отдохнешь, — предложила Каруна и обратилась к сыну: — Это твой папа, сынок, твой папа. Пойди к нему, он тебя приласкает.

Адитья посмотрел на мальчика глазами, полными слез. Его мучили угрызения совести. Никогда раньше он так не ощущал свое бессилие! Если по безграничной милости небес его здоровье улучшится, он никогда больше не будет участвовать в национальном движении. Какое он имел право дать жизнь этому ребенку только для того, чтобы ввергнуть его в пучину нищеты и страданий? Теперь он будет поклоняться богине Лакшми и свою ничтожную жизнь посвятит воспитанию ребенка.

В этот момент ему показалось, что мальчик смотрит на него с презрением, точно говорит: «Как ты плохо заботился обо мне!» Вся нежность и любовь Адитьи сосредоточились на одном желании — от всего сердца обнять сына. Но он не мог протянуть рук. В них не было силы.

Каруна с сыном на руках встала и, положив немного еды на тарелку, подала мужу. Адитья посмотрел на тарелку такими голодными глазами, будто давно не видел ничего съедобного.

Он знал, что после многодневной голодовки не следует есть много, но не смог сдержаться, набросился на еду и моментально очистил тарелку. Каруна испугалась. Он не просил прибавить, и она унесла тарелку. Про себя Каруна думала: «Так он никогда не ел». Кормя ребенка, она вдруг услышала: «Каруна!» Она подошла к мужу:

— Ты меня звал?

Лицо Адитьи побледнело. Дыхание было прерывистым. Опираясь на руки, он улегся на подстилку на том же месте, где ел. Каруна забеспокоилась:

— Может, позвать врача?

Движением руки запретив идти, Адитья произнес:

— Не стоит, Каруна. Я должен сказать тебе всю

правду. Я заболел туберкулезом. Несколько раз был при смерти. Но, видно, мне суждено было повидать вас перед смертью, поэтому и не умирал. Не плачь, дорогая.

— Я сейчас же приведу врача, — сказала Каруна, подавив рыдания.

Адितья покачал головой:

— Не надо, Каруна. Только побудь со мной. Теперь я ни на что не надеюсь. Доктора отказались лечить меня. Я сам удивляюсь, как добрался до дому. Кто знает, какая божественная сила вытащила меня оттуда. Наверно, это последняя вспышка угасающего светильника. О Каруна, я очень несправедливо поступил с тобой. Это всегда будет мучить меня. Я не смог дать тебе счастья, ничего не смог для тебя сделать. И теперь умираю, оставив на тебе клеймо вдовства¹ и переложив на тебя тяжесть воспитания мальчика. — Он тяжело вздохнул.

Каруна, взяв себя в руки, спросила:

— Что у тебя болит? Я зажгу свет. Почему ты ничего не говоришь?

Адитья, повернувшись на подстилке, ответил:

— Ничего не нужно делать, дорогая. Нигде не болит. Мне кажется, что сердце куда-то опускается, точно погружается в воду. Жизненное представление заканчивается. Вижу угасающий светильник. Хочу высказать все, что лежит на душе. Зачем мне уносить это желание? Если я спрошу тебя, Каруна, ты мне ответишь?

В душе Каруны словно исчезли и слабость, и печаль, и боль — их место заняла твердость духа, которая смеется над смертью, презирает всякую опасность. Как острый меч прячется в усыпанных драгоценностями бархатных ножнах, как могучая энергия скрывается в тихом течении воды, так же и нежное сердце женщины прячет в самом себе мужество и самообладание. И, подобно тому как гнев извлекает меч из ножен, как наука открывает энергию воды, — любовь воспламеняет в женщине мужество и твердость духа.

Каруна, глядя мужа по голове, ласково прошептала:

— Почему ты не спрашиваешь, любимый?

Чувствуя нежное прикосновение руки Каруны, Адитья сказал:

¹ По индийским религиозным законам, вдова не имеет права вторично выйти замуж.

— Как, по-твоему, я прожил жизнь? Достойна она награды? Послушай, Каруна, ты никогда от меня ничего не скрывала, скажи прямо и сейчас: как ты думаешь, нужно ли мне осмеивать или оплакивать свою жизнь?

Каруна торжественным тоном ответила:

— Зачем ты задаешь такие вопросы, дорогой мой? Разве я когда-нибудь осуждала тебя? Твоя жизнь была подобна жизни богов: самоотверженная, чистая, идеальная. Сколько раз, уставая от непосильных трудов, я пыталась отвлечь тебя от твоих благородных помыслов, но и тогда в душе я понимала, что принижаю тебя. Если бы ты поддался очарованию богатства, я, наверно, была бы довольна, но в моей душе не было бы той гордости и радости, которыми наполнена она сейчас. И если бы я захотела пожелать кому-нибудь самого большого счастья, я пожелала бы, чтобы его жизнь была похожа на твою.

Когда Каруна говорила, ее преждевремененно поблекшее лицо светилось чудесным внутренним светом. Адитья, с гордостью глядя на жену, сказал:

— Довольно, Каруна, я спокоен теперь, я не боюсь за ребенка. Я не мог бы оставить его в более надежных руках, чем твои. Я верю, что высокий, светлый идеал жизненного пути всегда будет перед тобой. Теперь я готов спокойно умереть.

2

Прошло семь лет.

Пракаш стал красивым, сильным, жизнерадостным десятилетним мальчиком, подвижным, смелым и ловким. Ему незнакомо было чувство страха. Наболевшее сердце Каруны успокаивалось, когда она глядела на него. Люди считали Каруну несчастной и обездоленной. Но она никогда не жаловалась на судьбу. Каруна продала украшения, которые были ей дороги, пока муж был жив, и купила на вырученные деньги несколько коров и буйволиц. Она была дочерью крестьянина, и уход за скотом не был для нее новым делом. Это занятие стало средством существования для нее и ребенка.

Каруне приходилось работать день и ночь, но она была довольна. На ее лице не было и следа отчаяния или печали. Оно светилось волей и энергией. Весь ее облик

был преисполнен чувством собственного достоинства, а глаза излучали дивный свет — глубокий, безмерный и безграничный. Все страдания — печаль вдовства и безжалостные удары судьбы — растворялись в глубине этого света. Свою жизнь она посвятила Пракашу. Ее счастье, ее желания, ее земля и небо — все было принесено в жертву сыну. Но это совсем не означало, что Каруна закрывала глаза на его проступки. Нет, она с большой строгостью следила за его поведением. В ее любви к сыну материнская нежность сочеталась с отцовской строгостью. До сих пор звучали в ее ушах последние слова мужа. Радость, которая осветила ее лицо при этих словах, гордость, которой заблестели тогда ее глаза, до сих пор не покидали Каруну. Постоянные думы о муже делали его живым для нее. Она всегда чувствовала его присутствие. Ей казалось, что Адитья все время охраняет ее. Сокровенным ее желанием было вырастить сына достойным своего отца.

Однажды вечером какая-то нищенка, подходя к дверям, попросила милостыню. Каруна в это время давала корм коровам. Пракаш играл около дома. Мальчику пришлось в голову напроказить. Он забежал в дом, набрал в миску мякины и выбежал на улицу. Нищенка протянула свой мешок. Пракаш высыпал в него мякину и, громко хлопая в ладоши, убежал.

— Ай да мальчик! — провожая его горящими от гнева глазами, проговорила нищенка. — Прибежал посмеяться надо мной. Вот чему научили тебя родители! Ты прославишь свой род.

Услышав ее слова, Каруна вышла на улицу и спросила:

— В чем дело, мать? С кем ты так разговариваешь?

Кивнув в сторону Пракаша, нищенка ответила:

— Ведь это твой сын? Подумай только: набрал в миску мякины и высыпал в мой мешок. Была горсточка муки — и ту смешал с мусором. Разве можно так издеваться над несчастными? Всю жизнь не проживешь безбедно. Нечего вам зазнаваться перед людьми.

Каруна строго позвала сына:

— Пракаш!

Пракашу не было стыдно. Вызывающе подняв голову, он подошел и сказал:

— Зачем она пришла в наш дом просить милостыню? Почему она ничего не делает?

Каруна попыталась усовестить его:

— И тебе не стыдно? Ты еще и кричишь!

— А почему мне должно быть стыдно? Чего она попрошайничает? Разве нам что-нибудь досталось даром?

— Если тебе нечего дать, надо было прямо сказать ей: уходи. Зачем ты сделал эту гадость?

— А как еще отучить ее попрошайничать?

Рассердившись, Каруна закричала:

— Я сейчас побью тебя.

— За что? В других странах нищих сажают в тюрьму, а не потворствуют им.

— Как же может работать старый, дряхлый человек?

— Пусть пойдет и утопится. Для чего ей жить?

Каруна ничего не ответила. Она дала старухе муки, бобов и проводила ее. Но глупые рассуждения сына терзали ее сердце. И где он научился такому бессердечию? Эта мысль неотступно преследовала ее и ночью.

Около полуночи Пракаш вдруг проснулся. Горел фонарь. Каруна сидела и плакала. Приподнявшись, Пракаш спросил:

— Мама, ты еще не спишь?

— Не спится. А ты чего проснулся? Пить хочешь? — спросила Каруна отвернувшись.

— Нет, мама. Не знаю, почему-то сами открылись глаза. Я очень провинился сегодня, мама.

Каруна с нежностью посмотрела на сына. Пракаш продолжал:

— Я сегодня плохо поступил с этой старой женщиной. Прости меня, мама. Больше никогда этого не будет.

Сказав это, мальчик заплакал. Каруна, растроганная, обняла сына и, расцеловав его в обе щеки, спросила:

— Сынок, ты это сказал, чтобы утешить меня, или на самом деле чувствуешь раскаяние?

— Нет, мама, — ответил Пракаш, всхлиывая, — я в самом деле очень жалею. Если сегодняшняя старушка придет снова, я дам ей много денег.

Огромное счастье овладело сердцем Каруны. Ей показалось, что перед ними, благословляя сына, стоит Адитья и говорит: «Не печалься, Каруна, Пракаш прославит имя своего отца. Все твои желания исполнятся».

Однако у Пракаша на словах было одно, а на деле получалось другое. И со временем эта черта его характера становилась все очевиднее. Он был одаренным юношей, получал стипендию в университете, Каруна тоже оказывала сыну посильную помощь, но денег ему не хватало. Он мог с большой эрудицией прочитать лекцию о пользе экономии и воздержанности, сам же подражал тем, кто слепо следовал моде. Его никогда не оставляло желание покрасоваться. Сердце и разум Пракаша были в постоянном разладе. Порывы сердца требовали делать что-то для окружающих, рассудок все ограничивал им самим. Обычно его душевные влечения не выдерживали борьбы с разумом, и разум подавлял сердце. В представлении Пракаша служение народу было возделыванием поля, которое не дает плодов. Самое большее, чего можно было добиться на этом поприще,—это почета и уважения. Но эти награды недолговечны и непрочны: в одно мгновение все, что завоевано ценою целой жизни, может пойти прахом, поэтому он неотвратимо склонялся к жизни, полной наслаждений. Постепенно стал испытывать отвращение к воздержанности. Он презирал лишения и нищету. У него не осталось ни участливого сердца, ни добрых чувств, был только расчетливый ум. Откуда взяться там боли, страданию? Там лишь честолюбие и расчет.

В провинции Синд произошло наводнение. Тысячи людей были разорены. Университет послал в Синд комиссию для оказания помощи пострадавшим. В душе Пракаша началась борьба — ехать или не ехать. Если бы это время он посвятил подготовке к экзаменам, то сдал бы по первому разряду. Когда уезжала комиссия, он притворился больным. Каруна писала: «Я очень огорчена, узнав, что ты не едешь в Синд. Ты мог туда ехать, даже если был болен. Ведь в комиссии тоже были врачи». Пракаш не ответил матери на это письмо.

Ориссу охватил голод. Люди гибли как мухи. Национальный конгресс¹ создал комиссию для помощи голодающим. Как раз в это время университет вынес решение

¹ Национальный конгресс — в настоящее время правящая партия в Индии.

послать на Цейлон группу студентов для исторических изысканий. Каруна в письме советовала Пракашу ехать в Ориссу, но Пракаш мечтал съездить на Цейлон. Несколько дней он был в нерешительности — куда ехать. В конце концов Цейлон одержал победу над Ориссой. На этот раз Каруна ничего ему не написала. Молча плакала.

Вернувшись с Цейлона, Пракаш приехал домой на каникулы. Каруна встретила его очень приветливо. Пракаш, устыженный, в душе решил, что, если представится возможность, он обязательно порадует мать. С этим решением он вернулся в университет. Но сразу же на него навалились заботы об экзаменах. Сдав экзамены, Пракаш не сразу поехал домой. Один из преподавателей университета собирался совершить путешествие по Кашмиру. Пракаш отправился с ним. Когда стали известны результаты экзаменов и Пракаш прошел по первому разряду, он вспомнил о доме. Он тотчас же послал Каруне письмо, в котором известил о своем приезде. Для того чтобы порадовать мать, он написал несколько слов о служении народу: «Теперь я готов выполнить твои указы. Я решил работать в области просвещения. Я получил почетное место и смогу служить народу. Даже наши лидеры уважают преподавателей университета. Они до сих пор не освободились от преклонения перед учеными званиями. Теперь, получив это высокое звание, я действительно устранил препятствие на пути к служению народу. Наши лидеры не так почитают талант, смелость, преданность, как звания! Теперь все будут уважать меня и поручать ответственную работу, которую прежде я не смог бы даже выпросить».

Надежда Каруны вновь воскресла.

4

В начале следующего года на имя Пракаша пришло письмо от ректора. В нем было извещение о том, что для продолжения образования в Англии Пракашу утверждена правительственная стипендия. Пракаш вне себя от радости с письмом в руках пришел к матери:

— Мама, я получил правительственную стипендию для поездки и обучения в Англии.

— Так. Что же ты собираешься делать? — печально спросила Каруна.

— Что делать? — переспросил Пракаш. — Кто откажется от такой возможности!

— Ты же собирался поступить в ряды добровольцев!

— Неужели ты, мама, считаешь, что, только став добровольцем, можно служить родине? Я смогу служить народу, даже вернувшись из Англии. Сказать по правде, мама, тысяча добровольцев не сможет принести столько пользы стране, сколько сделает один судья. Я буду сдавать экзамены в Гражданскую службу¹ и уверен, что успешно их выдержу.

— Неужели ты хочешь стать судьей? — удивившись, спросила Каруна.

— Один судья, желающий служить стране, — отвечал Пракаш, — в состоянии принести больше пользы, чем тысяча председателей конгресса. Правда, его не будут прославлять в газетах, его речам не будут аплодировать, на демонстрациях народ не потащит его повозку, студенты не пошлют ему приветственных адресов, и все же именно судья может сослужить настоящую службу народу.

— А разве не тот же самый судья бросает в тюрьмы и расстреливает тех, кто служит народу? — резко возразила Каруна сыну.

— Но если сердцу судьи знакомо сострадание, он мягко добьется того же, чего другие не могут добиться, даже прибегая к расстрелу.

— С этим я никогда не соглашусь. Правительство не дает своим служащим такой свободы. Оно устанавливает единый закон, и всем правительственным служащим приходится выполнять его. Суть этого закона — в еще большем укреплении власти. Для этого необходимо подавлять всякое проявление независимости. Если какой-нибудь судья будет действовать против правительственных указаний, он не останется судьей. Ведь именно индийский судья ни за что осудил на три года твоего отца! Тюремное заключение убило твоего отца. Сынок, послушай меня: не соблазняйся правительственными должностями. Я согласна на то, чтобы ты ел грубую пищу, просто одевался, зато служил своей родине. Я против того, чтобы ты жил в роскоши, но стал судьей. Пойми, что с того дня, как ты сядешь

¹ Индийской гражданской службой назывался английский чиновничий аппарат в Индии.

в кресло судьи, ты будешь думать так же, как другие судьи. Ты захочешь славы и успеха среди чиновников. Вот тебе простой пример: пока девушка живет в доме своих родителей, она считает их дом родным, но в тот день, когда она уходит в дом свекра, она начинает считать своим домом дом чужих. Родители, братья — все живут на старом месте, но их дом она уже не считает своим. Таков закон жизни!

Пракаш рассердился:

— Неужели ты хочешь, чтобы я всю жизнь бедствовал?

— Если, живя бедно, можно сохранить свою независимость, то я прямо тебе скажу: лучше жить бедно, — сурово взглянув на него, ответила Каруна.

Пракаш решительно спросил:

— Значит, таково твое желание?

— Да, это мое желание, — тем же тоном ответила Каруна.

Пракаш ничего не сказал на это. Он молча встал, вышел из комнаты и тотчас послал в университет письмо с отказом. Но с этого момента словно большое несчастье свалилось на него. Все время проводил он в своей комнате, мрачный и безразличный ко всему, никуда не ходил, ни с кем не встречался. Выходил к матери всегда с опущенной головой и снова уходил. И так продолжалось целый месяц. С лица Пракаша сошел румянец, исчезло воодушевление, глаза, как у сироты, были полны мольбы, с губ пропала улыбка, как будто вместе с письмом-отказом ушла вся его живость и молодость.

Каруна понимала его настроение и пыталась отвлечь от мрачных мыслей, но оскорбленное божество было неумолимо.

Однажды, не выдержав этого, Каруна сказала Пракашу:

— Сынок, если у тебя так сильно желание ехать за границу, поезжай. Я не буду препятствовать. Я жалею, что задержала тебя тогда. Если бы я знала, что это будет для тебя таким ударом, я бы ни за что не стала удерживать тебя. Я делала это с одной мыслью — душа твоего отца была бы довольна видеть тебя слугой народа. Умирая, он завещал тебе этот путь.

Пракаш сухо ответил:

— Как я теперь поеду? Письмо с отказом я уже написал. Вряд ли кто ради меня будет ждать до сих пор. Наверно, кого-нибудь другого выбрали. Если ты захотела, чтобы я без всякой пользы всю жизнь провел в деревне, пусть будет по-твоему.

Каруна была сломлена. Разрешая ему уехать, она надеялась, что он добровольно откажется от поездки, но успеха не добилась.

— Возможно, до сих пор никого еще не выбрали, — сказала она. — Пиши, я готова ехать.

— Теперь ничего не сделаешь! — раздраженно ответил Пракаш. — Люди будут смеяться. Я решил строить жизнь согласно твоей воле.

— Если бы ты с чистым сердцем принял это решение, то не был бы таким. Ты воюешь со мной методом сатьяграха. Что из того, что ты подчинился моей воле, подавив свое желание и считая меня препятствием на своем пути. Если бы я знала, что у тебя в душе действительно зародилось стремление служить народу! Сегодня же напиши письмо ректору.

— Не могу я теперь писать.

— Так и будешь предаваться скорби?

— Я бессилён что-либо сделать.

Каруна больше ничего не сказала. Вскоре Пракаш увидел, что мать куда-то уходит, но ничего не сказал. Отлучки из дома не были необычными для Каруны. Когда же наступил вечер и Каруна не вернулась, Пракаш забеспокоился. Куда девалась мама? Он то и дело задавал себе этот вопрос. Всю ночь просидел Пракаш у дверей. В душе возникали всевозможные опасения. Теперь он вспомнил, какой печальной была Каруна, когда уходила, какими красными были ее глаза. Как Пракаш не обратил на это внимания? Каким слепым он стал в своем эгоизме!

Да, теперь Пракаш вспомнил — мать надела новое платье. В ее руке был зонтик. Неужели она уехала куда-нибудь далеко? Кого спросить? Боясь чего-то ужасного, Пракаш зарыдал.

Была темная, страшная августовская ночь. Небо, как в ужасном сновидении, было покрыто черными тучами. Пракаш то и дело смотрел на небо, словно Каруна спря-

талась в этих ужасных тучах. Он решил, что как только рассветет, отправится на поиски матери, и если...

Кто-то постучал. Пракаш быстро открыл дверь и увидел Каруну. У нее было такое печальное, отчужденное лицо, словно сегодня ушло ее счастье и теперь в мире для нее ничего не осталось, словно она видит с берега, как тонет ее нагруженная лодка, и не может спасти ее.

— Ты куда-то ездила, мама? — встревоженно спросил Пракаш. — Почему ты так поздно?

Каруна, не глядя на сына, ответила:

— По делу ездила. Задержалась.

Она бросила на стол запечатанный конверт. Пракаш, заинтересовавшись, поднял его. На нем была печать университета. Вскрыв письмо, Пракаш прочитал, и легкий румянец появился на его лице.

— Мама, откуда у тебя это письмо?

— Мне дал его ваш ректор.

— Неужели ты ездила в университет?

— Что же мне еще было делать?

— Но ведь вчера не было поезда.

— Доехала на попутной машине.

Пракаш молчал. Потом спросил срывающимся голосом:

— Почему ты посылаешь меня, если сама не хочешь этого?

Каруна недовольно ответила:

— Потому что ты хочешь ехать. Я не в силах видеть тебя мрачным и недовольным. Двадцать лет я посвятила тому, чтобы исполнять твои желания. Сейчас я не могу помешать твоим честолюбивым замыслам. Пусть будет твоя поездка успешной — это мое искреннее желание.

Ее душили слезы, и больше она не смогла ничего сказать.

5

Пракаш стал готовиться к путешествию. Все, что имела Каруна, было истрачено на приготовления. Пришлось даже немного взять в долг. Были сшиты новые костюмы, куплены чемоданы. Пракаш был весь захвачен приготовлениями. Заказывал то одно, то другое.

Он не видел ничего — ни того, как ослабела за эту неделю Каруна, как поседели ее волосы, как множеством морщинок покрылось ее лицо. Он видел только Англию. Честолюбие пеленой застлало его глаза.

Настал день отъезда. После непогоды выглянуло солнце. Каруна вынесла на улицу старые вещи мужа. До сих пор она берегла в сундуке его плащ из плотной ткани, его куртки и штаны из грубой, домотканной материи, ватное одеяло. Каждый год она просушивала все это на солнце, тщательно вычищала и снова складывала в сундук. Сегодня Каруна опять вынула одежду мужа. Но не для того, чтобы просушить на солнце, а чтобы раздать беднякам. Она гневалась на мужа. Все его вещи — миску, шнурок¹, часы, вещи, которые долгое время служили Адитье и на которые двадцать лет молилась она сама, были брошены на дворе.

Сумку, которую Адитья многие годы носил за плечами, она выбросила в мусорный ящик. Портрет мужа, перед которым Каруна двадцать лет склоняла голову, сегодня был жестоко брошен на землю. Каруна не хотела иметь в доме ни одной вещи, напоминающей ей о муже. Душа ее была сломлена горем и отчаянием, а на ком еще, кроме мужа, могла она сорвать свой гнев! Что осталось у нее теперь? Кому она расскажет о своих страданиях? Перед кем она сможет раскрыть свое сердце? Если бы Адитья был жив, разве радовался бы Пракаш тому, что надевает цепи рабства? Кто мог объяснить ей, что тут даже Адитья ничего не мог бы сделать, разве только пожалеть ее?

Друзья Пракаша устроили ему прощальный обед. Домой он вернулся вечером, на автомобиле, вместе с несколькими товарищами. Когда дорожные вещи были размещены в автомобиле, он вошел в дом и сказал матери:

— Я уезжаю, мама! Когда приеду в Бомбей, сразу напишу. Я очень прошу тебя, не плачь и сразу же отвечай на каждое мое письмо.

Каруна была в том состоянии, какое возникает при выносе покойника у его близких: они теряют самообладание, нескончаемым потоком льются долго сдерживаемые слезы и все горе утраты вырывается наружу. Каруну

¹ Шнурок — знак принадлежности к высшим кастам.

охватило волнение, до основания потрясшее ее ослабевшую душу. Ей казалось, она соскользнула в воду и волны, качая, несут ее куда-то. С ее уст не сорвалось ни слова печали, ни благословения. Пракаш припал к ногам матери, заплакал и вышел из дома. Каруна стояла как каменная.

Неожиданно в дом вошел сосед:

— Уважаемая сестра! Твой сын уехал. Он так горько плакал!

Эти слова вывели Каруну из оцепенения. Она осмотрелась. С ней уже никого не было. В доме стояла могильная тишина, казалось, даже сердце перестало биться. Вдруг Каруна подняла голову, посмотрела вверх, и ей показалось, что она видит Адитью, который плачет, держа на руках безжизненное тело Пракаша. Каруна упала в глубокий обморок.

6

Каруна продолжала жить, но теперь ничто не связывало ее с миром. Ее собственный маленький мирок, который она создала в своем воображении, растворился в бесконечности, подобно сновидению. Тот свет, который она видела перед собой, когда шла в темной ночи жизни, имея в сердце богатство надежд, погас, а надежды развеялись. Коровы, которых она дважды в день кормила и ласкала, теперь стояли привязанные к стойлу и напрасно смотрели на дверь, ожидая хозяйку. Никто не обнимал и не ласкал телят. Для кого доить молоко, для кого сбивать масло? Кто будет есть все это? Каруна замкнулась в самой себе.

Но уже через неделю жизнь Каруны опять изменилась. Ее мирок, разрастаясь, вместил в себя всю вселенную. Якорь, державший судно у берега, был поднят. Теперь судно поплывет в безграничные просторы океана, даже если ему суждено исчезнуть в пучине свирепых волн.

Каруна сидела в дверях дома и, собрав детей со всего квартала, поила их молоком. До полудня она трудилась, сбивая масло, и это масло тоже ели дети квартала. Затем она варила всякую еду и кормила собак. Теперь это повторялось каждый день. Собаки, кошки, муравьи — все стали ей бесконечно близкими. Никому не отказывала

она в нежности. Ее нежность, которой она не смогла удержать одного, теперь охватила весь мир.

Однажды от Пракаша пришло письмо. Каруна взяла его и тут же бросила. Потом подняла его, порвала и ушла кормить птиц. Но ночью Каруна долго не могла заснуть, и ее одолели противоречивые чувства. Она подумала: «Кто для меня Пракаш? Что мне до него? На самом деле, кто же для меня Пракаш?» И сердце ответило: «Пракаш это все, что ты имеешь. То, чему ты отдала всю свою бессмертную любовь и чего ты навсегда лишилась. Он — воздух, которым ты дышишь, свет твоей жизни, сладость твоих несбывшихся желаний, лебедь, резвящийся в озере твоих слез». Каруна принялась собирать клочки письма Пракаша, словно это была ее разбитая жизнь. Каждый клочок письма она воспринимала, как частицу ее потерянной любви. Когда все клочки были собраны, Каруна села перед светильником и начала соединять их. Разлученное сердце связывало порванные нити любви. О материнская любовь! Несчастлиная всю ночь просидела за склеиванием письма. Оно было написано с обеих сторон, поэтому было трудно поставить клочки на нужное место. Исчезли некоторые слова, отдельные предложения. Один такой утерянный клочок она снова принялась искать. Прошла вся ночь, но письмо оставалось неполным.

Наступил день, собрались со всего квартала ребята, чтобы полакомиться маслом и молоком, прибежали собаки и кошки, слетелись птицы и принялись скакать во дворе. Одни уселись на ступу, другие на террасу. Но Каруне было некогда заняться ими.

В полдень Каруна все еще сидела над письмом. Она не чувствовала ни голода, ни жажды. Затем пришел вечер, а письмо все оставалось неполным. То, что было в нем написано, входило в ее сознание постепенно. Где-то далеко шел пароход Пракаша. В ее сердце что-то поднялось. Что это было? Каруна не смогла понять. Может ли человек, умирающий от жажды, утолить ее росой? Каруна хотела прочитать и запечатлеть в своем сердце каждое слово из письма сына.

Так прошло три дня. Вечером Каруна, бодрствовавшая трое суток, прикрыла глаза. Она увидела какую-то большую комнату, в ней расставлены столы и стулья. Посередине на возвышении сидит какой-то человек. Каруна

всмотрелась в него — это был Пракаш. Вот перед ним поставили заключенного, на его руках и ногах кандалы, спина согнута — это был Адитья.

Каруна открыла глаза. Обильные слезы полились из них. Каруна вновь собрала клочки письма и сожгла их. Не осталось ничего, кроме щепотки пепла. Это был погребальный костер материнской любви, которая растерзала ей сердце. В этой щепотке пепла сосредоточилось все: ее безоблачное детство, печальная молодость и несчастное вдовство.

Рано утром, когда к ее дому пришли соседи, Каруна была уже мертва. К опустошенному сердцу она прижимала портрет Адитьи, словно находила успокоение в любви мужа. А пароход Пракаша отплывал в Европу.

Кришан Чандар

ДРЕВО ВОДЫ

Наша деревня лежит в долине между грядами каменистых гор. Восточная гряда голая. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. В глубине ее находятся соляные копи. Западная гряда поросла кустарником и акацией.

Кое-где эту зелень разделяют мрачные нагромождения скал. С гряды текут два драгоценных источника —

два ключа пресной воды. Около них-то и приютилась наша деревня.

Нам не хватает воды. С детства запомнились мне раскаленное небо, потрескавшаяся, тяжело дышащая земля, темные руки крестьян, бурый блеск их лиц — блеск, говорящий о вековой жажде. Лица женщин светлее, они золотисты, но ведь женщины носят воду из ключа. Все остальное такого же бурого цвета — одежда крестьян, дома, земля. Баджра чуть темнее, черноватая.

Все воспоминания моего детства связаны с водой — жажда воды, улыбка воды, поиски воды. Сердце каждого жителя нашей деревни хранит память о воде и об ужасе разлуки с нею.

Помню, как я еще малышом ходил с бабушкой Амман стирать белье на речку Кхель. Бабушка полоскала, а я колотил белье на сверкающем песке. Воды в речке было мало. В сущности, это был тоненький ручеек, спокойный и ласковый, как Бало, дочка нашего соседа Сардара Сада Хана. Я любил играть с речкой не меньше, чем с Бало. Обе они, и речка и Бало, улыбались мне светлой улыбкой. Только тот, кто, вроде меня, работает в соляных копиях, может оценить радость, которую дарили мне эти улыбки.

Но речка наша жила не больше шести месяцев в году. В жаркую пору она пересыхала. Тогда на обнажившемся дне можно было видеть маленькие синие камешки, а ноги ступали по мягкому илу, как по шелковому ковру. Проходило несколько дней, ил высыхал, и дно речки покрывалось густой сетью морщин. Затем оно трескалось, как губы крестьян, словно его песок уже много лет не пил ни капли воды.

Помню, когда я в первый раз увидел пересохшую речку, то так испугался, что вечером долго не мог заснуть. Укачивая меня на коленях, бабушка рассказывала удивительные истории, а я вспоминал Кхель и свои игры с нею. Спокойно журча, она вдруг резвым потоком огибала груды камней и, словно Бало, рассердясь, убегала от меня в укромный закоулок. Однажды мы с Бало устроили возле двух камней мельничное колесо из колосков баджры и, играя, воображали, что мелем набухшее зерно. Как быстро вертелась мельница, несмотря на тихое течение! И вот пересохла теперь наша Кхель...

— Бабушка Амман, а куда ушла наша речка? — спросил я, следуя собственным мыслям.

— Спряталась в землю.

— Почему?

— Боится солнышка.

— Ух! Да чего ж она боится? Солнышко доброе, хорошее.

— Солнышко не одно, внучек, их два. То, что светит зимой, — хорошее, ласковое. А летнее солнышко — сердитое, жаркое. Они к нам в деревню приходят по очереди. Пока гостит зимнее солнышко — речке радость. А подкрадется летний разбойник — пойдет стаскивать с речки ее платье. Каждый день уносит этот злодей какую-нибудь одежду, и к концу лета у речки остается только тоненькая рубашонка. Тогда наша речка прячется от стыда в землю, поджидает зимнее солнышко. Придет оно и даст ей новую одежду.

— Летнее солнышко дурное! — сказал я, протирая глаза.

— Верно, дурное. А теперь спи, внучек, спи.

Но сон не шел ко мне, и я снова спрашивал:

— Бабушка Амман, почему вода с нашей соляной горы горькая?..

Много вопросов о воде задавали дети нашей деревни. Их мечты всегда были связаны с водой. В других деревнях, где воды было много, ребята, наверно, открывали золотые острова или искали дорогу в страну пари. В нашей деревне ребята с раннего возраста открывали воду. Где бы ни шла игра — в ложине или в горах, — вода была обязательной участницей детских игр.

И я, будучи еще малышом, нашел воду — в соляной горе я открыл несколько ключей. До сих пор помню радость, пережитую мной, когда я увидел первый ключ. Весь дрожа, манил я к себе пальцами струйку, бившую из расселины скалы. Я набрал целую пригоршню. Вода трепетала в моих ладонях, как только что пойманная птичка. Какой же судорогой отвращения сменилась моя радость при первом глотке! Вода ужалила мой язык, словно скорпион, своей соленой горечью. Отплевываясь, я принялся искать другой источник. Но и до сих пор не удалось мне найти на соляной горе ни одного пресного ключа.

Речка пересохла, и мечты о пресной воде неотступно томили меня.

— Бабушка Амман, — приставал я, — почему же вода с соляной горы горькая?

— И об этом в сказке говорится.

— Так расскажи.

— Как-нибудь потом... Сейчас спи!

— Сей-час рас-ска-жи, ба-буш-ка!..

— Ну ладно, расскажу, только не перебивай.

— Не буду, не буду...

— Ну, так слушай. Когда-то это была не соляная гора, а женщина. Она была женой дэва горы, откуда сейчас течет пресный источник...

— Ну бабушка, ну рассказывай!..

— А дальше было вот как. Дэвы пошли войной друг на друга, и наш дэв, оставив свою жену, тоже пошел воевать. Перед уходом он строго-настрого наказал жене: «Никуда не ходи, ни с кем не говори, жди, пока я вернусь...»

— Ну бабушка, ну!..

— Вот ждет жена своего мужа, поджидает, а его все нет как нет. Но тут однажды пришел к ней, только не муж, а...

— Кто?

— Пришел белый дэв и сказал: «Я тебя люблю».

— Бабушка, как это — люблю?

Чуть помолчав, бабушка Амман сказала:

— У нас с тобой был уговор не перебивать.

Я испугался. Если бабушка Амман рассердится, то не станет рассказывать, а ведь дальше-то самое интересное! Надо слушать молча. Успею еще спросить, что такое любовь.

И я принялся упрашивать:

— Дальше, бабушка, дальше, я не буду перебивать.

— Жена западной горы нарушила клятву, — сухо продолжала бабушка. — Обманул ее белый дэв. Он сказал ей: «Твой муж убит на войне дэвов». И тогда она вышла замуж за белого дэва.

Бабушка казалась недовольной, как если бы сказка все меньше нравилась ей.

— Почему же дэвы начали воевать? — сорвалось у меня с языка.

— Опять перебиваешь! — сказала бабушка Амман нахмурясь. — Не стану я тебе больше рассказывать. Спи.

— Нет, нет, не буду, не буду!.. Бабушка, хорошая моя, дорогая, не буду я больше... Ну бабушка!..

— Ладно, слушай дальше... Через много-много лет вернулся в нашу долину старый дэв. Это был первый муж неверной женщины. Увидел он свою жену с белым дэвом, рассердился, схватил топор и зарубил обоих. Тогда большой пир наложил свое заклятие на дэвов и превратил их в каменные горы. Вода западной горы сладкая, потому что дэв любил свою жену. А вода восточной горы всегда будет горькой, соленой — это неверная жена горюет, плачет о своей измене. Слезы ее засыхают крупинками соли. Эту-то соль твой отец и вырубает каждый день в копях...

Бабушка Амман вздохнула, задумалась.

— Все? — робко спросил я.

— Все, внучек, кончилась сказка.

Я сладко вздохнул и едва лишь закрыл глаза, как уснул. Мне приснилась соляная копь, где работал отец, где должен был со временем работать и я.

Первый раз я попал в эту копь, когда вместе с бабушкой принес однажды отцу обед. Ах, эти копи! Кругом — горы соли. В соляные стены словно вставлены соляные зеркала. В одном месте вода, просачиваясь через кровлю, образовала соляной пруд. Я понял, что это тоже слезы женщины, превращенной заклятием большого пира в соляную гору.

Отец взглянул на пруд.

— Сколько воды! — сказал он. — Только не для человека. Как проработаешь здесь денек-другой, все тело покроется соляной коркой. Если почесать ее, она ломается. И такая дурь находит, так хочется найти настоящий пруд и нырнуть...

**
**

Вода, вода!..

Наша деревня получала ее из пересыхавшей на полгода речки Кхель, но пришло время, когда и этого не стало. Только синие камни ее дна, сухой песок да унылые

шаги женщин вдоль прежнего берега отмечали былой ее путь. Но это уже не дни моего детства, это повесть моей юности.

Где-то далеко-далеко от нашей деревни раджа Акбар Али Хан, владелец поместья в сотни миль, вопреки воле моих односельчан изменил течение речки. Он направил ее в свое поместье, а нашу долину и соседние земли превратил в сухую, бесплодную пустыню. И тогда все, кто жил по берегам речушки, застонали, словно дети, осиротевшие после смерти матери.

Я помню, как мои односельчане вместе с крестьянами других деревень подали жалобу властям. Они протестовали против самоуправства раджи и просили вернуть им уведенную речку. Ведь река, рассуждали они, — это хозяйка дома. Река дарит нам воду, она работает в поле, моет белье, смывает грязь с наших тел. Наши деревни без воды — как дом без хозяйки. Крестьянам казалось даже, что отвод воды — это все равно что кража, как будто кто-то украл из дома их дочь. В этом случае они бы так же горевали, так же хмурились... Крестьяне говорили о смерти.

Но раджа Акбар Али Хан был самым богатым землевладельцем Чаквальской области. Чиновники были с ним заодно. Да и подряд на разработку соляных копей принадлежал также ему. Крестьяне не получили обратно своей реки. К тому же многих крестьян, работавших на соляных коях, выбросили с работы. Они были виноваты в том, что осмелились требовать возвращения украденной воды.

Помню, в тот день отец прибежал домой сам не свой. Схватившись за голову, он все повторял:

— Прости, боже! Прости, боже! Какая ошибка! Если бы не милость аллаха, раджа сахиб и меня бы вышвырнул. Да уведи теперь раджа джи не то что воду — дочь мою родную, я и тогда не стану жаловаться.

И правда, вода в нашей деревне ценилась так же высоко, как честь девушки. Вода, приносящая жизнь, вода, текущая кровью в наших жилах, вода, которой не хватало, чтобы вымыть лицо, выстирать рубаху, вода, от недостатка которой мы обовшивели, тела наши покрылись густым, липким потом, а душа — коркой соли, такая вода дороже золота и красивее девушки.

Да что тут говорить — спросите-ка лучше о цене воды у наших крестьян, вся жизнь которых проходила в ссорах из-за нее. Однажды, например, поссорились Сайдан, жена Сардара Хана, и Айшан, жена Аюба Хана. А ведь они были подругами — дома их стояли рядом, целый день они были неразлучны, вместе и по воду ходили. Ключ далеко, тропинка одна — набрав по очереди воды и подняв друг дружке кувшины на голову, возвращались они потихоньку домой, судача о деревенских делах. Кто знает, что случилось в тот злополучный день — торопились ли они обе, или что другое было причиной вспыхнувшей ссоры, — только одна из них сказала:

— Сначала я наберу воды!

Другая ответила:

— Нет, я.

Вероятно, это случилось потому, что, когда пересохла речка, остался только один ключ с пресной водой, и приходилось ходить очень далеко — за три коса. Женщины затемно выходили с кувшинами. Их ожидала длинная очередь у ключа. Тоненькая струйка воды не могла наполнить кувшин и за полчаса...

Так или иначе, поссорились женщины из-за воды. Они расцарапали друг другу лица, разбили кувшины, разорвали платья. Уже стемнело, когда они вернулись домой. Сайдан пожаловалась Сардару Хану, Айшан натравила Аюба Хана. Не помня себя от гнева, выбежали мужья с топорами в руках и, прежде чем люди успели вмешаться, зарубили друг друга. Так похоронили мы в один день двух соседей сразу. И много еще могил на нашем кладбище породила нехватка воды.

Это двойное убийство, связанное с водой единственно-го ключа западной горы, произошло в дни моей юности. Позже там появился новый источник. Удивительная его история стоит того, чтобы о ней вспомнить.

В Патхухаре был страшный голод — все реки, каналы и колодцы нашей области иссякли от жары и засухи. Только в ключах горных расселин, куда не добирался палящий солнечный зной, оставалось немного воды. Наши женщины отправлялись за водой в два часа ночи. У ключа выстраивался длинный ряд пустых кувшинов, а дома плакали дети, изнывая от жажды.

Большие, богатые люди потеряли тогда всякий стыд,

забыли бога. Сущим шайтаном показал себя зайлдар Малик Хан, он задумал дьявольское дело. Сговорившись с начальником полиции Афзалом Али, он выставил стражу у ключа. Затем вместе с начальником района Гуламом Али они скупили всю землю вокруг источника. Днем и ночью возводилась ограда по краям купленного участка. Наконец, вода была заперта на замок. Теперь никто не смел брать ее без разрешения — источник принадлежал зайлдару. А зайлдар обложил налогом каждый кувшин. Один кувшин — одна ана, два кувшина — две аны.

Вопль пронесся по деревне. Но полиция и власти были на стороне зайлдара Малика Хана, закон был также за него, и вода, таким образом, также принадлежала ему. Тогда вся деревня — парни, старики и дети — пришли к моему отцу:

— Дядя Худабахш, спаси нас, беда пришла!

— Что ж я могу тут сделать? — спросил отец, разведя руками.

Седобородый старик Хаким Хан сказал:

— Помнится, это ты, Худабахш, отыскал тот пресный ключ, который отобрал у нас зайлдар Малик Хан. Окажи милость, найди другой ключ. Ведь должна же быть, в конце концов, хоть где-нибудь на этой горе пресная вода, живая вода. Худабахш! Ты самый мудрый среди нас, подумай же получше, выручи народ! Мы с тобой, что бы ни случилось... Может, и помереть придется... Ну, а вот деревня, вся деревня... Воды, воды!..

Мой отец присел на скамеечку, помянул аллаха и отправился в путь. Вся деревня потянулась за ним. Возбрались на гору, начали искать воду. А ведь найти ее труднее, чем Фархаду гору своротить, — это я понял в тот же день.

Словно блуждающий огонек, скитается вода в складках наших гор. Сегодня она здесь, завтра там. Вода — бродяга, вода — чужеземка, вода — лукавое, непостоянное существо. Верить ее любви нельзя. Она улетучивается, как слабый аромат в палящий зной. В нашей илаке Патхухар женщины верны и стыдливы, а вода — изменница, вода — бесстыдница, непоседа. Никогда не принадлежит она одному, никогда не держится одного ключа. Она кочует из края в край, и ей при этом не нужен паспорт. Ловить эту вертихвостку надо не лопатой, а вол-

шебным стеклом — оно прочтет в сердце горы. Этим стеклом должен был стать мой отец.

Весь день глотали мы пыль высокой горы. Где только мы не искали беглянку! В густой тени кустов, в глубоких расселинах скал, в мрачных пещерах, в темных норах диких зверей. Мы перерыли все старые ключи. Но мы добились такого же успеха, как если бы в поисках жизни стали раскапывать могилы. Воды не было нигде. Петляя, как вор, она оставляла то здесь, то там следы притворных слез и ускользала от погони. Казалось, в глубоких расселинах, под могучей грудью горы она хохочет над своими преследователями.

Но мы не теряли надежды. Целый день тянулись мы за отцом — всё искали. Наконец настал вечер. Отец поднялся на одну из вершинок, отер пот с лица и бросил взгляд на заходящее солнце. И вдруг он заметил в глубокой расселине, озаренной косым солнечным лучом, зелень доба. Но каждый знает: там, где растет доб, обязательно есть вода. Доб — знамя воды, которое она несет повсюду с собою.

Отец вскрикнул и бросился бежать вниз, к расселине. Все кинулись за ним. С лихорадочной торопливостью разрывал он ногтями землю. Твердая сверху, она становилась все мягче, влажнее, наконец из глубины ее с силой ударила струя воды.

— Вода! Вода! — радостно закричали люди.

Дрожащими руками отец зачерпнул полную пригоршню. Люди смотрели на него во все глаза. Все сердца бились одним желанием, одной мольбой: аллах, даруй нам пресную воду, даруй нам пресную воду...

Отец попробовал.

— Пресная! — торжествующе крикнул он.

— Пресная вода! Вода пресная! — загремело кругом.

— Вода нашлась. Пресная вода! — отозвалось в долине.

И сразу все ожило. В деревне забили барабаны, женщины запели песни, молодежь пустилась в пляс, ребятишки подняли веселую возню.

Раскопав как следует ключ, крестьяне столпились вокруг. Вода была с ними — живой изгородью окружили они ее. Не отходя ни на шаг, они с невыразимой любовью

смотрели на воду — такой любовью светятся глаза матери при виде новорожденного.

**
*

Никогда не забыть мне этой ночи. В эту ночь ни одна живая душа не осталась в деревне — все пришли на радостный праздник к своему ключу.

В эту ночь матери разожгли костры и в тени уснувших под звездами деревьев укачивали своих детей. Счастливые девушки пели песни — песни, чистые и прекрасные, как вода, задумчивые, как лесные ключи, звонкие, как водопады.

В эту ночь все женщины были прекрасны, земля — плодоносна, корни растений — свежи и сочны. Звучно лопались набухшие, нетерпеливые от ожидания семени.

Такая ночь пришла к нам в деревню, потому что отец мой Худабахш нашел воду — она была плодом его труда, любовью его сердца. И тогда пришла ночь, как свадебный поезд с невестой, восседающей в паланкине!

Тихо, стыдливо журчал новый ключ — так молодая невеста идет, потупясь, по еще незнакомому ей двору.

Этой ночью в одной моей руке была вода, в другой — рука Бало, а над нами сверкали звезды...

**
*

Да, с этим ключом связаны мои лучшие воспоминания юности, воспоминания о любви Бало.

Красота ее была недоступна, неуловима, как вода. Глубоко таит в своих недрах земля рождение чистых ключей — бережно хранит сердце дорогие воспоминания. Много душистых цветов приносит лето, много золотых листьев — осень, сверкающих белых снегов — зима...

Любовь Бало была спокойной, безмятежной, как текущие под землей воды. Затемно приходила она к ключу. Мы оставались с ней одни. Словно луч рассвета, освещала ее лицо нежная улыбка. Бало подставляла кувшин под струйку воды, и она начинала журчать и шептаться с кувшином, как я с Бало. Наполнялся кувшин, переполнялись радостью наши сердца, и незаметно уже подкра-

дывалась заря. Утренний ветерок словно нежными пальцами апельсинного цвета щекотал наши лица... Вздвигнув, мы поднимались и с удивлением смотрели на мир, рождавшийся вокруг нас. Я ставил кувшин на украшенную алой лентой голову любимой девушки, и Бало, с улыбкой поглядывая на меня, спускалась со склона горы. Я не отрывал от нее глаз и не замечал ничьих других улыбок — улыбок женщин, уже поднимавшихся по тропинке из деревни к ключу.

В те мгновения я вспоминал вопрос, который когда-то задавал бабушке Амман: «Бабушка, что такое — любовь?» Позже я вспоминал эти ночи у ключа.

...Я работал уже в соляных коях. Возвращаясь домой пьяным от усталости, я замертво валился спать.

Несколько дней подряд не встречались мы с Бало у ключа, хотя нам, соседям, легко было условиться о встрече. Причина была в том, что у родных Бало гостил ее двоюродный брат, у меня же не было ни минуты свободной, чтобы переброситься с ней словечком. Новичку трудно в коях, а я учился новому делу с увлечением. К тому же, как говорится, коли попадешь в соляные копи, сам изойдешь солью.

Однажды вечером Бало сказала мне:

— Давай встретимся у ключа ночью, часа в два.

Я ответил, что очень устал.

— Приходи, — настаивала Бало, — мне очень нужно тебя видеть. Мне нужно сказать тебе очень важную новость.

Я пришел, как и просила Бало, в два часа. Никого, кроме нас, у ключа не было.

— В чем дело? — спросил я Бало. — Я слушаю тебя. Бало молчала.

— Сестрица, что случилось?

— Я уезжаю из деревни, — тихо проговорила она.

Сердце мое замерло. Мне показалось, что и ключ внезапно замолк.

— Зачем? — спросил я подавленно.

— Назначена моя свадьба.

— С кем?..

— С двоюродным братом, сыном моего дяди. Он вернулся с войны, и теперь он полицейский чиновник в Чаквале.

— И ты пойдешь за него?! — с горьким упреком вырвалось у меня.

— Да.

«Сейчас ли убить его или в первую же ночь после свадьбы?» — мелькнула в моей голове отчаянная мысль.

— Говорят, в Чаквале много воды, — продолжала Бало. — Там водопровод. Стоит только повернуть кран, и когда хочешь...

Голос ее дрожал от радости. Видимо, она хотела еще что-то сказать, но, угадав мою немую просьбу, умолкла. Подойдя к ней, я взял ее за плечи и пристально посмотрел в глаза. Мгновение она смотрела на меня, потом отвела взгляд. Нет, он не отвергал моей любви — он светился жаждой воды. Медленно опустил я руки и отошел. Я понял — для любви мало искренности, благородства, глубины чувства. Любовь требует еще немножечко воды. Сраженный этой мыслью, я опустился на землю.

Два часа ночи.

Бало и я.

Мы молчим. Стоит такая тишина, словно весь мир опустел. Или словно высохли все людские слезы.

Бало тихонько набирала воду в кувшин. Вода нашептывала свои лепечущие речи, я тоже что-то говорил Бало. Лепет воды — самое лучшее воспоминание человека.

Бало пошла. Я вспомнил детскую сказку о том, как горько плакала любовь и как слезы ее застывали крупинками соли. Мои глаза были сухи, но глыбы соли застыли на сердце. Там у меня возникли соляные копи, соляные столбы и пещеры, соляное озеро. Мой рассудок, мои чувства покрылись коркой соли. Казалось, стоит мне лишь потереть глаза, и закапают соленые слезы. Я молча сидел, ни о чем не думая, не шевелясь, как камень. Я сидел, когда Бало поднялась, и продолжал сидеть, пока она, оглядываясь на меня, спускалась по склону.

У меня не было воды, а Бало уезжала — к воде!

В ночь свадьбы Бало мне приснился странный сон: будто бы река-беглянка вернулась к нам, а на соляной горе бурлят пресные ключи. И будто бы посреди нашей деревни выросло громадное дерево, и все оно из воды.

Корни, ствол, ветви, листья, цветы — все вода. И с каждой ветки, с каждого листочка текут струйки воды. И это древо воды принесло жизнь нашей бесплодной земле: мужчины плачут от радости, женщины стирают белье, рабочие соляных копей моются, а дети, надев венки, ведут веселый хоровод вокруг чудесного дерева. И будто Бало в белом платье стоит рядом со мной и говорит:

«В нашей деревне выросло древо воды! Никуда, никуда я от тебя теперь не уеду!»

Удивительный был сон. Но когда я рассказал о нем отцу, он вздрогнул, словно от испуга, и строго спросил:

— Ты никому, кроме меня, не рассказывал об этом сне?

— Нет, отец, — ответил я. — Но ты как будто чего-то боишься, а это ведь только сон.

— Сон-то сон, — заметил отец. — Но ведь это красный сон.

Я рассмеялся:

— Это же было не красное дерево, отец. Оно было совершенно прозрачным. Древо воды! Ствол, ветки, листья — все из воды! А знаешь ли, какие на нем росли плоды? Маленькие граненые стаканчики. Влага играла в них, словно улыбка ребенка, и брызгала фонтанчиками вокруг.

— Как бы то ни было, — заключил отец, — это опасный сон. Если ты проболтаешься, а полиция пронюхает, тебя вышвырнут из копей. Помнишь, как прогнали с работы тех, кто хотел вернуть нашу реку? Поэтому, сынок, никому об этом не говори. Забудь свой сон, будто ты его и не видел никогда. Рассказами о нем делу не поможешь — пересохшая река останется пересохшей, жаждущий останется жаждущим...

До сих пор помню я безнадежность и отчаяние в голосе отца. Сначала я на самом деле никому не говорил о своем сне, но спустя несколько дней рассказал своим товарищам по работе в копях. К моему большому удивлению, они не только не испугались, но очень весело рассмеялись.

— Что же смешного в том, что я вам рассказал? — спросил я.

— Нечего бояться этого сна, — ответили мне товарищи, — это очень хороший сон. Каждый из нас его видел.

— Не может быть! Такое же древо воды?

— Ну да! Древо воды у нас в деревне и пресные ключи в наших коях. Не бойся, дружок, обязательно сбудется наш сон!

Все же тогда с первого слова я этому не поверил.

Но я не зря работаю с товарищами. Теперь и я знаю — сбудется наш сон! Настанет день — и вырастет в нашей деревне древо воды, и пустые ныне кувшины наполнятся до краев, и грязные одежды засверкают белизной, и расцветут исстрадавшиеся сердца.

А земля и любовь, пустоши и пустыни станут цветущим садом!

ПРИМЕЧАНИЯ

- Ана — мелкая монета, равная $\frac{1}{16}$ рупии (5,25) копейки.
 Бабу — господин, уважаемый, почтенный.
 Баджра — особый вид проса.
 Баньян — гигантское дерево из породы фикусов.
 Байя — птица, похожая на воробья.
 Бигх — мера площади, равная $\frac{1}{4}$ гектара.
 Брахма — в индуистской религии верховное божество.
 Брахман — представитель высшей касты индусов, священнослужитель.
 Бунгало — легкая загородная постройка с верандами.
 Варли — название местности и племени на юге Индии.
 Гашиш — смолистое наркотическое вещество, получаемое из индийской конопли; вредный наркотик.
 Гуава — название дерева и его плодов.
 Дада — почтительное обращение к старшим.
 Джат — крестьянин-пенджабец.
 Жи — почтенный, уважаемый.
 Дхела (дхели) — мелкая монета, равная $\frac{1}{8}$ аны. Здесь: грош, мелочь.
 Дхоти — мужская одежда, состоящая из цельного куска материи.
 Дэв — волшебник, великан.
 Зайлдар — районный чиновник по сбору налогов.
 Заминдар — крупный помещик.
 Илака — область.
 Йог — здесь: факир.
 Кисан-Сабха — массовая прогрессивная крестьянская организация.
 Кос — мера длины, равная примерно 3,5 километра.
 Курми — каста земледельцев; член касты земледельцев.
 Лакшми — богиня богатства, красоты, счастья, успеха.
 Ласси-пани — молоко пополам с водой.
 Ма — мать.
 Ман — мера веса, равная приблизительно 32 килограммам.
 Манго — плодое дерево.
 Махараджа — владетельный князь.
 Мунши — писец, секретарь.
 Пандит — ученый, брахман, знаток вед. (древних священных книг) священнослужитель.
 Пайса — мелкая индийская монета, равная $\frac{1}{4}$ аны.

- П а р и — волшебница, фея.
П а р и я — человек, стоящий вне каст, то-есть лишенный прав; здесь: бесправный, угнетенный человек.
П а т а н ы — племена, населяющие северо-западную часть Индии на границе с Афганистаном.
П и р — старик, святой; здесь: глава волшебников.
Р у п и я — основная денежная единица в Индии (84 копейки).
С а р и — женская одежда, состоящая из цельного куска материи.
С а р д а р — здесь: господин, начальник (обращение).
С а р к а р — правитель; господин (обращение).
С а т ь я г р а х а — ненасильственное сопротивление (метод борьбы, выдвинутый Махатмой Ганди).
С а х у к а р — ростовщик, лавочник.
С а х о — см. с а х у к а р.
С е р — мера веса, равная приблизительно 0,9 килограмма (906 граммов).
Т а к а — мелкая монета в две пайсы.
Т а х м а д — штаны до колен.
Т о н г а — двухколесная конная повозка на рессорах, широко распространенная в Индии.
Т х а к у р — правитель области, помещик, богатый арендатор.
Х и р — герой пенджабского эпоса.
«Х и р В а р и с Ш а х» — пенджабский народный эпос.
Х у з у р — обращение: ваше величество, ваше превосходительство и т. д.
Ч а м а р — представитель одной из каст неприкасаемых.
Ч а р а с — наркотик из цветов конопли.
Ч а у к а — четырехугольное возвышение, на котором готовят пищу и едят.
Я м а д у т т, или Я м а, — в индийской мифологии бог смерти, бог подземного царства.

СОДЕРЖАНИЕ

Кришан Чандар.	Черное солнце. <i>Перевод с хинди Е. Полосиной</i>	3
Прем Чанд.	Игра в чижик. <i>Перевод с хинди М. Антонова</i>	14
Суджан Сингх.	Мороженое. <i>Перевод с пенджабского И. Кудрявцевой и И. Рабиновича</i>	23
Прем Чанд.	Рассказ о двух волах. <i>Перевод с хинди М. Антонова</i>	29
Бальвант Гарги.	Бег на сто миль. <i>Перевод с английского Ю. Смирнова</i>	42
Прем Чанд.	Сер с четвертью. <i>Перевод с хинди М. Антонова</i>	51
Аннабхау Сатхе.	Раб. <i>Перевод с хинди А. Сашина</i>	59
Прем Чанд.	Колодец тхакура. <i>Перевод с хинди М. Антонова</i>	68
Таджвар Самри.	Щенок. <i>Перевод с урду В. Пищяева</i>	73
Упендранатх Ашк.	Маслодел из Какран. <i>Перевод с хинди И. Кудрявцевой и И. Рабиновича</i>	78
Прем Чанд.	Отступник. <i>Перевод с хинди М. Антонова</i>	93
Кришан Чандар.	Древо воды. <i>Перевод с хинди И. Кудрявцева и И. Рабиновича</i>	111

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Отзывы об этой книге просим присылать
по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги

*

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ДРЕВО ВОДЫ

Рассказы индийских писателей

Ответственный редактор *Г. В. Языкова.*
Художественный редактор *Н. И. Комарова.*
Технический редактор *З. В. Тишина.*
Корректоры *Л. А. Кречетова* и *Т. П. Лейзерович.*

Сдано в набор 18/X 1955 г. Подписано к печати
26/XII 1955 г. Формат $84 \times 108\frac{1}{32}$ — 8 печ. л. =
= 6,57 усл. печ. л. (6,2 уч.-изд. л.). Тираж
30 000 экз. А06884. Заказ № 1370. Цена 4 р. 35 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сущевский вал, 49.

Проект 1969

71996

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

В

В

56

